

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ

КРИК РОДИВШИХСЯ ЗАВТРА

Сверхлюди — не то, чем они кажутся

Михаил Савеличев

Крик родившихся завтра

«Снежный Ком»

2016

Савеличев М. В.

Крик родившихся завтра / М. В. Савеличев — «Снежный Ком»,
2016

1960-е годы. Альтернативный СССР, в котором могущественный Спецкомитет занимается не атомным проектом, а изучением и использованием детей патронажа. Страна, которая еще не полностью оправилась от последствий мировой войны, но при этом раскинулась от границ Франции на западе и до острова Хоккайдо на востоке. Страна, где еще не полностью восстановлены разрушенные войной города, но которая построила общегосударственную систему автоматического управления народным хозяйством на базе мощных ЭВМ и отправила пилотируемую экспедицию к Марсу. А где-то в далеком городке Дивногорск проживает девочка Надежда, которая, как уверены некоторые, является ключом к будущему человечества. Вот только какое будущее она ему приготовила? Уничтожит? Или что-то совершенно иное, что на ум человеческий не приходило?

© Савеличев М. В., 2016

© Снежный Ком, 2016

Содержание

Часть первая. Недокументированная способность	6
Часть вторая. Книга японских необыкновений	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Савеличев

Крик родившихся завтра

*Я их вижу –
мне время тех дней не застит,
не прячет во мгле.
Я их вижу:
широких,
красивых,
глазастых
на мудрой Земле!..*

Роберт Рождественский

Часть первая. Недокументированная способность

1

Ту-124 шел на посадку. Наталья затушила сигарету и посмотрела в иллюминатор – пелена облаков разошлась, открыв горы, похожие на смятое беспокойным детским сном лоскутное одеяло.

– Возьмите реденец, пожаруйста, – сказала стюардесса, старательно выговаривая слова. Особенно «ре-де-нец». Почти без акцента.

– Благодарю, – конфетка оказалась в руке. Девушка пошла дальше по салону, где на средних рядах разместились официальные лица, а позади притихла в предвкушении скорой посадки компания туристов. Но стюардесса с подносом леденцов их оживила.

– Кумико-сан, а можно взять две конфетки?

– Кумико-сан, может, всё же махнете с нами в горы? Посмотрите, какая красотища... Будем сидеть у костра и петь песни! – Говоривший взял несколько аккордов, в которых слышалась романтика походов. – Лучше гор могут быть только горы...

– Спасибо, Вородя-сан, но я не могу, – сказала стюардесса, и в ее голосе звучало неподдельное сожаление, будто, сложились обстоятельства иначе, она и в самом деле прямо с трапа отправилась бы вслед за веселой компанией, даже не переодеваясь – в короткой юбке, белой блузке и форменном пиджаке. Хотя кто этих японок знает? Гейши.

Наталья улыбнулась этим мыслям. Леденец не помогал – уши закладывало. Самолет проваливался всё глубже. Оставалось совсем недолго до посадки.

Как там пел этот Володя?

*Сто пассажиров на борту
Несут сквозь ночь турбины «Ту».*

Похоже. Очень похоже. Только их не сто, а гораздо меньше.

*Три стюардессы пьют коньяк.
Всю ночь таранят черноту
Турбины «Ту», турбины «Ту».*

И вряд ли Кумико втайне ночью пила коньяк.

Кумико-сан вернулась с подносом в свой закуток, старательно задернула занавес, чтобы через мгновение вновь его отдернуть и появиться с микрофоном в руке:

– Уважаемые товарищи пассажиры, наш рейс по маршруту Саппоро – Китами подходит к концу. Через несколько минут саморет приземрится в аэропорту города Китами. Температура в аэропорту прюс шесть градусов. Просим вас не забывать свои вещи. Командир корабря ретчик первого красса Васирий Варерьевич Чкаров и экипаж жерают вам доброго пути, – стюардесса поклонилась и попятилась в закуток.

– Аригато, Кумико-сан! – крикнули веселые туристы.

Наталья вышла последней. Она дождалась, пока строго и чинно выйдут официальные лица, затем – груженная рюкзаками и гитарами молодежь протиснется по узкому проходу между кресел, попутно чуть не задев и ее закопченными котелками и айсбайлями. Нетороп-

ливо надела плащ, взяла чемоданчик, сумочку и напоследок заглянула в иллюминатор, стараясь разглядеть встречающих.

Ветрено. Холодно. И пусто. В отдалении стоял еще один самолет с зачехленными двигателями. Приземистое здание аэровокзала неодобрительно смотрело на прилетевших узкими окнами-бойницами – то ли наследие милитаристской Японии, откуда два с лишним десятка лет назад взлетали самолеты с камикадзе, то ли творение современности – примета оккупационной зоны. Туристы поначалу сгрудились у подножия трапа, весело раскланиваясь с Кумико-сан, а затем двинулись вслед за дежурным к аэровокзалу. Легкий наряд стюардессы заставлял плотнее кутаться в плащ. Поодаль стояли три машины, где официальных лиц встречали другие официальные лица – военные и гражданские. Среди них Наталья отыскивала взглядом отца, который разговаривал с одним из прилетевших – лысым мрачным типом в темных очках и с беспокойным ртом.

Можно не торопиться. Наталья поставила чемоданчик на землю, перекинула сумочку через плечо и достала сигареты. А здесь можно курить? Она покосилась на мерзшую стюардессу. Та продолжала вежливо улыбаться. Даже если и нельзя, она ничего не скажет, решила Наталья и закурила. Девушка не уходила, видимо дожидаясь, пока последний пассажир определится, куда ему направиться – в аэровокзал или к машинам.

– Меня встречают, – сказала Наталья.

– Это очень хорошо, – ответила стюардесса.

– Кумико-сан, – на трап вышел молоденький летчик, – ты свои вещи уже собрала?

Он что-то добавил по-японски, отчего девушка покраснела и нетерпеливо махнула рукой. Не как преисполненная внутренней гармонии гейша, а как промерзшая на пронизывающем ветру девчонка. Наталья усмехнулась и отвернулась. Официальные лица и встречающие рассаживались в «Волги». Потом машины синхронно тронулись, синхронно развернулись и помчались к выезду, набирая скорость, точно собираясь взлетать.

Тысячу лет не виделись. Ей хотелось выкинуть проклятую прогорклую сигарету, броситься ему навстречу, обняться, прижаться, но она стояла на месте. От него исходила холодная отстраненность, под стать месту и погоде. И почему-то он был в штатском, хотя встреча официальных лиц наверняка предполагала форменное обмундирование. Отец подошел и встал рядом, разглядывая самолет, стюардессу, аэровокзал, поросшие желтым и красным склоны гор, но только не саму Наталью. Как посторонний, который проходил мимо и остановился стрелкнуть сигаретку. Но сигареты у него имелись, мягкая пачка с красным пятном – контрабанда от заклятых союзников.

Она рассматривала его и не узнавала. И дело не в поредевших волосах и новых морщинах. Оболочка, конечно, изнасилась еще больше, но было и нечто внутреннее. Словно его сломали. Словно. Рабочая гипотеза, которая опровергалась эмпирическим фактом – сломать его никто и никогда не мог. Ничем.

– Как долетела?

– С двумя пересадками – в Новосибирске и Саппоро, – будто подробности так важны.

По трапу прошествовал экипаж, груженный сумками почище туристов, стюардесса заколебалась – покинуть свой пост или дожидаться, пока пассажирка тоже уйдет, но давешний летчик навьючил ее сумочкой, подхватил под локоток, и она покорно пошла рядом с ним. Последним спускался пожилой летчик.

– Здравствуй, Василий, – сказал ему отец.

– О, Николай, какими судьбами?

– Вот, дочку встречаю. Тебя еще не мобилизовали?

– Это ты за пролив? Староват я, Иваныч, для таких дел. Мне сейчас не на «мигах», а на «тушках» летать за счастье.

– Вас сопровождали?

– А как же, положено! В три эшелона шли. Хотя не понимаю, почему в ваш медвежий угол до сих пор самолеты летают.

– Положено, – в тон ответил отец, и Наталья вдруг поняла, что с ним, точнее – почему он такой. Ему плохо. Невыносимо плохо. То, что он еще стоял, говорил, курил, совершалось на пределе или даже за пределом человеческих сил. Похоже, и Чкалов это почувствовал:

– С тобой всё нормально, Иваныч? Сердце не прихватило?

– Всё нормально, а если не нормально, дочка подсобит. Она у меня врач.

Чкалов посмотрел на Наталью.

– У меня дружок вчера на базу не вернулся, – сказал он. – Сгинул над Цугару и сигнал не успел подать. То ли самолет подвел, то ли американцы подсобили. Пойдем, Иваныч, помянем рюмкой водки.

Чкалов пил страшно. Стиснув зубы, всасывая водку с таким выражением лица, как если бы принимал яд. Шрам, пересекавший лицо летчика, с каждым стаканом становился белее и белее.

– Ты закусывай, закусывай, – говорил Николай Иванович, но летчик, по всей видимости, относился к тому разряду людей, которые никогда не едят, когда пьют.

Николай Иванович опрокинул только самую первую рюмку – поминальную. Как и Наталья.

Они расположились в ресторанчике на втором этаже аэропорта вокруг высокого столика, казалось, перенесенного сюда из московской забегаловки – пегая мраморная столешница и крючки под ней, чтобы повесить сумку или авоську. И вообще, здесь не пахло японским духом. Разве что надписи напоминали, где они. А так всё очень походило на какой-нибудь провинциальный аэровокзал где-нибудь в Сибири. Пусто. Тихо. Скромность на грани убогости, как говаривал Фельденгаузен, возвращаясь из очередной командировки в Новосибирск.

– Не верю, не верю, – повторил Чкалов. – Не думал, что до такого дойдем.

Он отодвинул от себя тарелку и оперся локтями на столешницу – огромный и ужасный, и у Натальи мелькнула дурацкая мысль – а как же он такой могучий забирался в кабину истребителя?

– Будешь? – Николай Иванович протянул ему пачку, но Чкалов посмотрел на него так, что он убрал ее суетливым и виноватым движением. – Прости.

Чкалов порылся в кармане плаща и бухнул на стол золотой портсигар. Открыл его и кивнул. Папиросы. Николай Иванович достал одну, размял табак в курке, прикусил мундштук. Откуда-то возникла миниатюрная официантка с зажигалкой. Бехтерев прикурил, а Чкалов процедил:

– Сгинь.

Он долго возился с коробком, но не оттого, что был уже порядочно пьян, ибо, на профессиональный взгляд Натальи, опять же, относился к тому редкому типу людей, которые не пьянеют, но всё больше погружаются в самую черную меланхолию. Высокая концентрация алкоголя в крови опознается по излишней возне с мелкими предметами – спичками, папиросами, хлебными крошками.

– Дайте я вам помогу, – предложила Наталья, но у Чкалова дернулась щека – то ли тик, то ли гримаса.

Спичка вспыхнула, он глубоко вдохнул дым.

– Ты знаешь, на чем они всё еще летают? На этажерках, блять.

Николай Иванович поморщился, посмотрел на Наталью.

– Девятки, пятнадцатые, представляешь? Это как...

– Не ругайся.

Чкалов тоже посмотрел на Наталью.

– Извини, дочка. Наболело.

– Ничего. Я понимаю.

– Никто ни хрена не понимает, – Чкалов загасил папиросу в стакане с водкой и вцедил жидкость в себя. Вместе с пеплом. – Вот, может, ты что понимаешь, Иваныч? А? Ты же у нас цельный генерал. Тебе положено понимать, почему на переднем крае обороны мы воюем старьем и рухлядью, а они нас Супер Сейбрами дрючат. Случись что посерьезнее, покатаемся мы отсюда так, как в сороковом катились. До самой Москвы. Только теперь с другой стороны.

– Болтаешь много, – сказал Николай Иванович. – Это временные трудности, сам должен понимать. На всё сразу и всего не хватит.

– Ага, ага, еще скажи, как наш особист – кто хочет всего и сразу, тот получит ничего и постепенно. Козьма Прутков, мать его. На ОГАС хватает, на космос хватает, а на оборону – хрен без масла. Ребятам стыдно в глаза смотреть. Они ведь до сих пор думают, что я на гражданку по своей воле списался. Не выдержал затягивания поясов. Вспомнил про миллион двести. Помнишь, как это было? Когда миллиону двести здоровых мужиков дали из армии пинка под зад? Да что там армия! Ты когда в последний раз в каком-нибудь колхозе был? Вот где разруха. Нам еще до такого лет десять на сухом пайке сидеть.

Чкалов сорвал крышку с очередной бутылочки и вылил содержимое в стакан, так и не достав оттуда размокшую папиросу.

– Тебе когда в рейс? – кивнул на стакан Николай Иванович.

– Иди на хер, – сказал Чкалов.

2

Шофер, солдатик-сверхсрочник, о чем он незамедлительно сообщил, оказался болтлив и весел, как все солдатики-сверхсрочники, крутящие баранки автомобилей большого начальства. Военный уязик резво бежал по идеальной дороге, зажатой между пологими холмами.

– Все-таки хорошо тут, товарищ генерал, чисто, аккуратно, народ вежливый, девушки правильно воспитаны. Я ведь почему на сверхсрочку пошел, – повернул он голову к Наталье, – уезжать отсюда не хотелось. Как представляю родное село на Смоленщине, так пот прошибает. Не то что здесь! Вот, японские колхозы – это да, им бы еще земли побольше, они бы и не так развернулись. А девки какие, – солдатик вдруг запнулся, сообразив, что затронул скользкую тему в присутствии генеральской дочери.

– И что же девушки? – спросила Наталья. – Все сплошь гейши?

Дались ей эти гейши.

Солдатик засмеялся.

– Не знаю, я гейш только в кино видел. Страшные, наштукатуренные, куклы, а не девушки. В жизни они очень даже лучше. Что ни спроси – улыбаются, кланяются. От солдат не шарахаются. Женился бы, ей-богу, женился! Разрешите, товарищ генерал?

Николай Иванович завозился на сиденье и пообещал:

– Так разрешу, что в двадцать четыре часа отсюда вылетишь. А потом еще и спасибо скажешь.

– Это почему же, товарищ генерал?

– Ноги у них кривые, – сказал Николай Иванович.

Солдатик хохотнул.

– Так ведь мне с ее ног... – начал он, но вновь осекся.

Наталья смотрела на затылок отца врачебным, как бы он выразился, взглядом. Ему полегчало. Что-то, доставлявшее боль, отпустило. Вернее – отпустило. Медленно, но верно. Это ей очевидно, хотя никакой она не врач. А даже наоборот.

Вдалеке от дороги показался приземистый деревянный дом с большой двускатной крышей.

– А что там? – спросила Наталья, и опять вмешался шофер:

– Онсен. Баня по-японски. И горячий источник рядом. У них принято сначала мыться, а потом в горячей воде лежать, природой любоваться. Хорошая штука, я вам доложу.

– Наша баня лучше, – Николай Иванович опустил окно и закурил. – Да и кто тебя в онсен пускал?

– Было дело, – неохотно ответил солдатик. – Но наша баня, конечно, лучше, товарищ генерал. Тут не поспоришь.

– Распустили вас, курорт, а не служба, – покачал головой Николай Иванович, – онсены, гейши, саке, благо все самураи за проливом остались.

– Империалисты проклятые, – согласился солдатик и включил радио.

Наталье до сих пор казалось, что она пребывает в коконе отчуждения, словно ее отделяет от этих людей, этой земли невидимая, но неодолимая преграда. Наверное, существовали заклятья, которые могли ее разрушить, но она их не знала. Чужая в чужой стране. Но разве этот кокон возник только сегодня? Не обманывай себя. Ты так живешь последние семь лет. Под общей анестезией бытия. Которое определяет анестезированное сознание.

Приторное пение местной певицы и подпевающего ей мужского хора заполняло машину липкими звуками. Такое долго не вынести, но тут начались новости.

«Сегодня в Кремле Председатель Совета Министров СССР товарищ Косыгин встретился с Премьер-министром Правительства Японской Народной Республики товарищем Хаято Икэда. На встрече обсуждался широкий круг вопросов, посвященных сотрудничеству обеих стран. Было еще раз заявлено о нерушимой дружбе между нашими народами. Стороны резко осудили провокации со стороны японских империалистов и американской военщины в Сангарском проливе. Миротворческая политика наших стран направлена...»

– Вот ведь оно как, – сказал солдатик. – Лишь бы войны не было. Не будет ведь, товарищ генерал? А то вон, и в Китае хуйвэнбины распоясались.

– Хунвэйбины, – поправила Наталья.

– Один черт, как попрут на наши границы...

«На орбите завершается монтаж тяжелого межпланетного корабля «Заря». Экипаж корабля под командованием летчика-космонавта Алексея Леонова приступил к проверке систем жизнеобеспечения. Все работы идут согласно графику. До начала экспедиции остается семнадцать дней».

– Неужели полетим? – Настроение у солдатика менялось со скоростью передаваемых новостей. – Как вы думаете, Наталья Николаевна? – в первый раз он обратился к ней по имени-отчеству.

– И полетим, и долетим, – сказала Наталья.

– Но ведь – Марс! Так далеко! Может, на Луну надо было для начала полететь, а? Хотя что там на этой Луне интересного? Камни одни. А на Марсе может быть жизнь, высокоразвитая цивилизация, коммунизм...

– Поменьше фантастику читай, – оборвал его Николай Иванович и выключил радио. – И на дорогу смотри.

Наталья не сразу поняла, что это. Сначала ей показалось, будто по склонам холмов сквозь лес проложили узкие просеки для электролинии или трубопровода. Но деревья, оказавшиеся на пути прогресса, не спилили, а какой-то силой вырывали с корнем и бросали куда ни

попада. Стволы, скрученные и измочаленные, валялись даже около дороги. Наверняка некоторые падали и на шоссе, откуда их потом оттащили на обочины. Полосы шли хаотично, иногда совсем короткие, метров сто-двести, иногда длинные, уходившие за вершины холмов.

– Что здесь произошло?

– Годжиру на свободу вырвался, – усмехнулся шофер. – Вы знаете, кто такой Годжиру?

– Нет, никогда не слышала.

– Это такое древнее чудовище местного происхождения. Вроде Змея Горыныча. Оно спало в океане, как медведь в берлоге, пока его не разбудили атомными взрывами. Вот оно и напало на Японию, Токио разрушило, потом сюда добралось.

– А, так это кино! – догадалась Наталья.

– Слушай ты его больше, – проворчал Николай Иванович, – смерч здесь прошел.

– Смерч был, товарищ генерал, не спорю, но вот корешок мне рассказывал, как их всех по тревоге подняли и сюда перебросили. Они тут такое видели...

– Будешь мне рассказывать?

– Нет, товарищ генерал, я понимаю – у вас секретная информация. Но только не обо всем солдат командиру докладывать станет.

– Значит, солдат плохой и командир негодный. Одного в наряд, а другого... другого тоже в наряд.

Израненные неведомым Годжирой склоны остались позади. Уазик съехал с дороги на грунтовку, кое-где засыпанную щебнем, чуть не забуксовал в огромной луже, поскакал по кочкам и, наконец, выбрался на бетонку, ведущую к КПП.

Шофер засигналил, будто кто-то мог не заметить машины. Из караулки выскочил солдатик и принялся открывать ворота. Вслед за ним вышел офицер.

– А вот и наш бравый капитан, – сказал с непонятной интонацией шофер.

Наталья посмотрела. Офицер действительно походил на заправского служаку – подтянутый, серьезный, можно даже сказать – суровый.

– Подожди, – бросил Николай Иванович и вылез из уазика.

Шофер въехал в распахнутые ворота, остановился, заглушил двигатель.

– Вот мы и дома, можно оправиться.

Наталья с облегчением вылезла из машины на твердую землю. Потянулась. Отец разговаривал с капитаном. Шофер открыл капот и принялся ковыряться в двигателе. Сколько себя помню, подумала Наталья, а военные шофера только так и поступали – при каждой свободной минуте открывали капот и принимались копать в двигателе.

Она осмотрелась. Ряды двухэтажных домов казарменного типа, унылость и серость которых не могли скрасить даже охваченные багрянцем клены. Выложенные кирпичом дорожки, завядшие клумбы из вкопанных в землю шин, покрашенных в разноцветную полоску. Военный городок, которых она повидала немало за то время, что армейская служба закидывала их семью то в Германию, то в Прибалтику, то в Закавказье. Весь колорит замкнутых военных коллективов, на который не очень-то и обращаешь внимание, пока не повзрослеешь, а потом постепенно его забываешь, ибо надо ехать поступать в институт, учиться, работать. А отца по-прежнему мотает по стране и за ее пределами, и видите вы с ним в его редкие наезды, и нет иных разговоров, кроме ностальгических воспоминаний о всё тех же городках. Не грузить же его широкие полковничьи, а затем и генеральские плечи своими женскими, точнее даже – бабыми заморочками.

Хотелось курить. Наталья отвернулась и стала смотреть на отца с офицером.

– Не женат, – сообщил солдатик, продолжая копать в двигателе.

– Кто?

– Бравый. Точнее, жена бросила. Не выдержала гарнизонной жизни и сбежала в Союз.

– Сводничаєте?

– Никак нет, Наталья Николаевна, – солдатик поднял голову и подмигнул. – Информую общественность. Вы же у нас доктором будете, взялись бы излечить.

– А, так он всё же нездоров, – Наталья попыталась изобразить разочарование кокотки, узнавшей, что блестящий офицер, на которого она положила глаз, смертельно болен чахоткой.

– Душевно, Наталья Николаевна, душевно. Без женщины мужчина дичает, сами понимаете.

– Он не выглядит одичавшим, – Наталья всё же не выдержала и закурила, протянула пачку солдатику, уже захлопнувшему капот. – Наверное, нашел какую-нибудь местную гейшу.

– Нет, что вы, – солдатик благодарно принял три сигареты, две из которых заложил за уши, – к нам такой контингент не пускают, режимный объект все-таки. Японские товарищи хоть и товарищи, но кто их разберет, этих самураев. Так что наш капитан – бобыль бобылем.

– И тут командирская дочка подвернулась, – понимающе сказала Наталья. – А может, я замужем и у меня трое детишек?

– Детишки не проблема, а вот насчет вашего мужа товарищ генерал ничего не говорил. Да и разместить приказано вас у него, а не квартиру отдельную выделить. У меня дружок в КЭЧ, проверено.

– Вы с капитаном всё продумали, – Наталья затоптала сигарету. – Только вот проблема – я не врач.

3

Квартира оказалась крошечной. Даже в сравнении с жилищем в домах быстрого строительства, что росли по всему Советскому Союзу, как грибы. Две комнаты, одна из которых напоминала то ли просторный шкаф, то ли маленькую кладовку, микроскопическая кухня, где можно дотянуться до чего угодно, не вставая со стула, ванна и туалет вообще для галочки. Полы застелены соломенными коврами, несколько стульев, телевизор местного производства, на удивление цветной, магнитофон и – о чудо! – рабочая станция с запыленным экраном. Кровати, кушетки и топчаны отсутствовали.

Поставив чемодан на высокий порог, Наталья разулась и осмотрелась.

– Ничего, – сказал Николай Иванович, – в тесноте, да не в обиде. Я тут редко бываю, всё время на объекте, так что хозяйничай сама.

– Папа... – начала Наталья. Отец запнулся, обнял, прижал. Даже запах у него теперь другой – не терпкая военная смесь пота, одеколона, ваксы и пыли, а почему-то медицинский – антисептики, эфир и валидол. – У тебя всё в порядке?

Она ожидала, что он немедленно выдаст по-военному, как всегда отвечал маме: «Всё в порядке, товарищ генерал, солдат спит, служба идет!»

Но ничего такого он не сказал.

– У тебя-то как? Так толком в Ленинграде не поговорили.

– Что-то сломалось, – плакаться в жилетку не хотелось, но один раз можно. Особенно после долгой разлуки. – Как тогда началось, так и... Почему перестал приезжать?

– Я теперь вообще отсюда не выбираюсь, – Николай Иванович пошел на кухню. – Есть хочешь?

– Только чай. И чайную церемонию.

– Шутница. Самурай надел гэта, сел под сакурой, сложил хайку, взял катану и сделал себе харакири.

– Что это?

– Краткое изложение наших представлений о здешней культуре, – Николай Иванович вынес поднос с маленьким чайником и крошечными фарфоровыми чашечками. На боку чай-

ника этот самый самурай в гэта со свитком и мечом смотрел на гору, готовясь, надо полагать, к ритуальному самоубийству. Чай оказался самый обычный – индийский.

Закат отливала медью. Далекие горы зловеще багровели. Предстояла долгая бессонная ночь, а если она хотела быстро войти в здешний ритм, то и бессонный день. Они говорили о том и о сем. Вспоминали. А потом Николай Иванович сказал:

– У меня для тебя есть работа.

– Значит, эта командировка – не злоупотребление служебным положением?

– Иначе я тебя сюда бы не вытащил – режимная зона.

– То-то у вас туристы шастают, – вспомнила Наталья давешних веселых парней, охмывавших стюардессу.

– На далекие расстояния я не езжу, – он не обратил внимания на ее слова, – а по телефону о таком не поговоришь.

– А еще тебе нужно было посмотреть на меня, – сказала Наталья.

– Да, посмотреть. Время лечит, семь лет – достаточный срок.

Время не лечит, время анестезирует, хотела сказать Наталья, но промолчала.

– Думаю, тебе эта работа подойдет.

– Врачом в медсанчасти?

– Нет. Скажем так, исследователем-консультантом по твоей прямой специализации.

– Изучение мозга? – Наталья отставила чашку с остывшим чаем и посмотрела на отца. –

Папа, о чем вообще идет речь?

Николай Иванович, встал, прошелся по комнате, включил телевизор. Передача шла на японском, но показывали репортаж из Центра управления полетами и хроникальные кадры старта ракет – будущих частей «Зари». На цветном экране выглядело завораживающе – огромные белые башни с широким основанием отрывались от стартовых площадок и тяжело, словно нехотя, поднимались всё выше и выше, превращаясь в ослепляющие звезды.

– Ты как-то связан с этим? – спросила Наталья.

Николай Иванович дождался, пока хроника сменится хорошенькой дикторшей, и выключил телевизор.

– Это наши соперники, – сказал он. – И, похоже, они все-таки успевают раньше.

– О чем ты?

– О мозге, Наташа, о мозге. Мне ли рассказывать тебе о его возможностях?

– Загадками говоришь, папа. Но учти, перед тобой человек, который изучает мозг много лет, но в итоге знает о нем еще меньше, чем твой шофер.

– Не кокетничай, – сказал он строго. – А если серьезно, нам очень нужна твоя помощь.

4

Неожиданно для себя под утро Наталья всё же уснула.

Отец достал из шкафа матрас, постельное белье, и она расстелила всё это на полу в комнате, которую могла считать своей. Привычный мир оказался далеко позади, в тысячах километров, и только теперь Наталья поняла: насколько же он давил на нее. Несмотря на любимую работу, которая давала повод вообще не появляться дома. А когда стены лаборатории начинали раздражать, она выходила из института и бродила по территории. Да и была ли это любовь? Или, как в долгом браке, ее заменила привычка? Черт знает. Замужем она не была.

Она стояла у окна и смотрела на улицу. Во сне она точно знала, что это тот же дом и та же улица военного городка. Светило солнце, шагали дети с огромными портфелями, а она ждала. Это странное для сна ощущение беспокойного ожидания – незнакомое. Не то чтобы она ничего или никого так не ждала, но сейчас к этому чувству примешивалось дотоле ей непонятное. И вот в подъезде хлопнула дверь. Под окном появилась она. Она. Девчушка в корич-

невом школьном платье с черным передником и огромным портфелем, который она не несла, а волочила. Девчушка посмотрела вверх, и их глаза встретились. Коротко стриженные волосы, круглое лицо. Незнакомое. Но во сне очень даже знакомое. Девчушка помахала ей и заторопилась вслед за всеми к автобусу, который должен увезти детей. Споткнулась. Чуть не упала. Сердце екнуло. Она даже схватилась за шпингалет – открыть окно и крикнуть обычномамское: «Поосторожнее!», но девчушка уже влезала в автобус, затерявшись в толпе школьников. Автобус казался очень маленьким, но дети всё залезали и залезали, а сидевший за рулем отец в таксистской фуражке кивал каждому, как хорошему знакомому, а хмурый бравый капитан проверял состояние автобуса, обходя его по часовой стрелке и пиная шины до блеска начищенным сапогом. А она всё высматривала круглолицую девчушку, но вот автобус тронулся, и она вдруг поняла, что их увозят куда-то очень далеко и навсегда, а она об этом почему-то забыла, но бравый капитан крепко ее обнял, и тревога сменилась истомой, истома – слезами и отчаянием.

Наталья плакала. Отец громко и привычно храпел в соседней комнате. Она лежала и высматривалась в темноту, ожидая, когда та разойдется серыми хлопьями. Это всё из-за сна, говорила она себе. Обычная физиология. Даже так – обычная физиология одинокой бабы. Ей ли не знать о снах – какие участки мозга возбуждаются, какие тормозятся. И ей ли не знать о бабьем одиночестве. Первое она изучала в институте, второе – приходя из института в общежитие. А ведь могло сложиться иначе. Семь лет тому назад всё складывалось иначе. Она ходила по лаборатории, как раздувшийся пароход, и плевала на косые взгляды, вызовы в партком, где горели желанием узнать, кто поучаствовал в деле, где необходимы двое, а расплачивается один. И даже назначили на эту роль милейшего Шлегеля, хотя тот ни сном ни духом, а потом... Потом всё стало неважным и оставалось таковым до сегодняшнего дня.

Захотелось курить.

То, что отец назвал режимным объектом, располагалось дальше за городком. Пришлось ехать в знакомом уазике со знакомым солдатиком, который уже не был столь болтлив – то ли из-за дороги, петлявшей по-над холмами, то ли от общей атмосферы приближения к чему-то секретному и неприятному. После беспокойной ночи и дурацкого сна, оставившего неприятное послевкусие, Наталья всю дорогу клевала носом, проваливаясь в полудрему, как уазик в ухабы. Отец иногда что-то говорил, но всё тонуло в реве мотора и дремоте. Наталья лишь таранила глаза и честно кивала. Потом отец понял ее состояние и оставил в покое, а солдатик включил погромче радио, и это оказалось даже хорошо – сладкозвучные саксофоны – то, что надо выбитому из колеи привычного существования организму. Ничего личного, только физиология. Она даже позволила себе лечь на заднем сиденье, подоткнув под голову отцовский плащ, а потом уазик остановился, потом поехал, опять остановился, в окна заглядывали капитаны, лейтенанты, а один раз и целый подполковник.

– Приехали, – сказал отец, – просыпайся и выходи.

Этот самый режимный объект ей сразу не понравился. Он походил на врытый глубоко в землю броненосец, вылепленный из серого бетона. Округлые башенки с узкими прорезями – не для внешнего света, а исключительно для прострела окружающей местности, выпирающие из земли купола, похожие на шляпки ядовитых грибов, и торчащий форштевень сухопутно-бетонного броненосца с тяжелой дверью.

– Что это? – Заходить туда ей не хотелось.

– От самураев в наследство досталось, – сказал Николай Иванович.

Внутри всё так же, наверное, как в броненосце – узкие коридоры, под низким потолком пыльные лампы, забранные решетками, массивные железные двери, разделявшие объект на герметичные отрезки, провода, трубы, спертый воздух, пропахший новокаином. Именно так – новокаином, словно само присутствие здесь требовало анестезии.

Навстречу попадались люди – в форме со значками медицинской службы и белых халатах поверх гражданских костюмов. Николай Иванович молча кивал им, кое-кому жал руки, а если дело и доходило до разговора, то не дальше «Как дела?» – «Всё нормально» или «Штатно».

Кабинет его располагался на втором уровне, куда они спустились даже не по лестнице, а узкому трапу, и Наталья не сразу поняла, что это и есть пристанище отца, где он проводит большую часть нынешней жизни, единственной вещью в котором, совместимой с жизнью вообще, оказался низенький топчанчик с простыней далеко не первой свежести, кое-как прикрытой казарменным одеялом.

– Садись, – сказал он и протиснулся за столом, заваленным кипами распечаток с рабочей станции, которая вместе с неуклюжей коробкой АЦПУ занимала здесь самые почетные места.

Ей неожиданно чуть ли не до слез стало жалко отца. И ради этого убожества он всю жизнь тянул армейскую лямку?! Его друзья с большими звездами сидят в огромных светлых кабинетах, а не под землей на отшибе страны. Отец, однако, обделенным себя не чувствовал. Наоборот, он словно обрел второе дыхание. По крайней мере по сравнению с тем, каким она его увидела в аэропорту.

Над топчаном на крюке висел мундир с колодками наград. Кажется, их стало больше с последнего раза, когда Наталья видела отца в форме. Николай Иванович вытянул откуда-то из недр стола два сложенных халата, один кинул Наталье, во второй облачился сам, став похожим не на врача, конечно же, а на посетителя больницы, пришедшего проведать заболевшего боевого товарища.

– Ты мне ничего не расскажешь? – Наталья надела халат. Не хватало только шапочки.

– Сама всё увидишь. А потом я расскажу, – он странно помолчал и добавил: – Если захочешь.

Наталью пробрал озноб. Кто его знает, что она должна увидеть, но, судя по обстановке, – ничего приятного. Однако имеющее отношение к медицине.

– Может, не стоит? У тебя тут всё такое... режимное, а у меня и допуска нет.

– Разберемся. Пошли.

Дальше лифт – решетчатая платформа, которая нисколько не скрывала внутренности шахты, в которую они погружались. Снизу поддувало на удивление теплым воздухом, но Наталью знобило – беспокойство и даже страх предстоящей встречи с неведомым. Она ведь оставалась страшной трусихой. То, что другим казалось ерундой, не стоящей внимания, ее ввергало чуть ли не в панику. Как она сдавала первый экзамен. Как производила первое вскрытие. Как... Будь в ней поменьше упрямства, она при каждом таком приступе убегала бы, забивалась в угол, закусив край подушки. И однажды такое случилось. После произошедшего тогда она действительно забилась в угол, закусив от боли и отчаяния край подушки, которую, оказывается, не выпускала из рук. Единственный раз, когда она в полной мере испытала, что страх может с ней сотворить. И когда страх был на сто, нет – двести процентов прав, вопия: не делай этого! Не делай этого ни в коем случае!

Ей захотелось схватить отца за руку, но он теперь ей не помощник. Ни в чем не помощник.

– Это нормально, – сказал отец.

«Что нормально?!» – чуть не закричала Наталья, не сегодняшняя, а на семь лет и девять месяцев моложе, сидящая в углу и неслышно воющая в подушку.

– Страх. То, что ты испытываешь страх, – нормально. Побочный эффект. Недокументированная способность, как говорят наши умники. Некоторые мочатся прямо в галифе, а кто-то и того хуже. Поэтому всем новичкам советуют давать успокоительное или пару стаканов водки выпивать, но я думаю, ты справишься, – он говорил, так и не повернувшись к ней, то ли из деликатности, чтобы не видеть возможные последствия страха, то ли из черствости той

природы, которую в разной степени приобретают все, кто работают с людьми, – врачи, учителя, военные.

Самое дрянное, что страх был не абстрактным, а завернут в яркую картинку воспоминания весьма отвратительного пошиба, то, что она готова заглушить хоть водкой, хоть таблетками. Почему именно оно и почему именно теперь и здесь?! Как наяву она видит падающие в чашку капли – одна, две, три... Вполне достаточно, чтобы погрузить в сон, но не затормозить другие физиологические реакции. Та еще была задачка при разработке рецептуры. Волшебное снадобье, необходимое ей для эксперимента. А точнее – забора пробы. Назовем это так. И когда подопытный засыпает в кресле перед включенным телевизором, она дрожащими руками смахивает на пол «Красную звезду», стаскивает до колен спортивки, берется за резинку трусов, ощущая себя почти библейской героиней, той самой дочерью Лота...

Лифт, который не спускался, а полз улиткой по стене шахты, наконец остановился, и она шагнула вслед за отцом в узкую щель между потолком и полом, готовую сомкнуться, если бы не многочисленные колонны-подпорки. Хотелось вжать голову в плечи, чтобы не задеть сухую поверхность теменем, и именно в ее сухости имелось странное противоречие – от таких щелей ждешь промозглость, непрерывную капель и плесень – отвратительную плесень черного цвета.

Ничего такого здесь нет. Даже колонны оказались не колоннами, а связками проводов, которые выходили из потолка, выбрасывали несколько горизонтальных побегов и вновь скрывались – теперь уже в полу. И еще – многолюдье. Столько народу одновременно Наталья не видела с момента прилета. Неимоверное количество рабочих станций, больше соответствующее какому-нибудь областному узлу ОГАС, за которыми сидели военные, все как один в белых халатах. А дальше разливался яркий свет, словно в этой щели включили солнце.

Появление генерала ничего не изменило в окружающей суете.

– Начинаем отсчет, – пошелестело в динамиках, – начинаем отсчет.

– Пойдем, – Николай Иванович дернул за рукав замершую от увиденного Наталью, – вон там наблюдательный пункт.

В наблюдательном пункте, оборудованном внутри выгородки из листов фанеры, стояли телевизоры, а перед ними – ряд кресел, как в кинотеатре, на одном из которых сидел человек в неизменном белом халате и грыз карандаш.

– Что у вас тут?

Но человек даже не повернул головы к Николаю Ивановичу, а только ткнул карандашом в ближайший экран:

– Курица.

– Когда проба?

– Сейчас подадут отсчет, – человек так и сказал – «подадут».

Динамики заговорили: «Всем приготовиться, всем приготовиться. Группа отправки, группа приема – полная готовность. Десять, девять, восемь...»

Почему-то Наталье показалось, что сейчас взорвется бомба. Атомная. Или даже водородная. Какая-нибудь «кузькина мать» или ее ближайшая родственница – «кузькина тетка», например. Но на экране показывали действительно курицу – самую обычную курицу, которая ходила по клетке и что-то склевывала с пола.

– ...Ноль. Подача разряда! – Человек в кресле нагнулся, чтобы лучше видеть, наверное, но ничего не произошло – курица продолжала клевать.

– Докладывает группа отправки – объект без изменений, визуальная фиксация перемещения не отметила.

– Докладывает группа приема – объект не появился.

– Сам вижу, – сказал человек перед экранами, взял с пола микрофон и продолжил на всю лабораторию:

– Всем группам просмотреть автофиксацию, может, мы чего-то не заметили. Медики, как Кюри?

– Нужно увеличивать разряд, Филипп Рудольфович, хотя бы процентов на десять. Иначе реакции не будет.

– Хорошо, два деления, не больше. И «парацельса» закапайте.

– Опять не получается, – даже не спросил, а констатировал Николай Иванович.

Человек обернулся и вскочил с кресла. Наталья подумала, что он сейчас вытянется, возьмет под несуществующий козырек и гаркнет: «Так точно, товарищ генерал! Не получается!» И тот, кого называли Филиппом Рудольфовичем, действительно гаркнул:

– Какого черта посторонние в геофронте?!

Надо полагать, имелась в виду Наталья.

– Не шуми, – спокойно сказал Николай Иванович, – это моя дочь – Наталья Николаевна, о которой мы с тобой разговаривали.

– Здрасьте, – сказала Наталья, вполне понимая чувства Филиппа Рудольфовича, которому в самый разгар непонятного ей, но, судя по всему, очень важного эксперимента вдруг привели экскурсию. – Простите за вторжение, я сама не очень...

– Ах, оставьте! – Филипп Рудольфович схватил ее руку и потряс. – Тут наши проблемы. Тренд ухудшения. Признаки СУР подтверждаются, – он теперь обращался к Николаю Ивановичу. – Пройли болевой порог, дальше наращивать смысла не имеет – мы всё сожжем.

– Ты только комиссии это не скажи.

– Молчу, как таракан.

Наталья ничего не поняла и принялась разглядывать экраны. На одном курочка продолжала клевать, чья-то рука просунулась в клетку и осторожно пальцем провела по ее перышкам. На другом виднелся какой-то загончик – кусок бетонного пола, огороженный невысоким заборчиком. На бетоне нарисована координатная сетка, сложные линии и пятна, больше похожие на магические символы. Еще один экран показывал нечто белое, и пока оно не шевельнулось, казалось, что передачи никакой нет. На самом деле это был занавес, точнее – ширма, какой в больницах огораживают койки тяжелобольных.

– Еще одна проба, потом – перерыв на борщ, – сказал Филипп Рудольфович, – тогда и познакомитесь.

Он вновь уселся и рявкнул в микрофон:

– Пятая проба, всем приготовиться. Пять миллиграмм «парацельса», два деления разряда, минутная готовность.

Наталья села, отец продолжал стоять. На экраны он не смотрел. Он смотрел на нее, и когда их глаза встретились, он виновато улыбнулся.

– Смотрите на курочку, – страшным шепотом сказал Филипп Рудольфович, – смотрите внимательно.

Наталья стала смотреть, и когда отсчет закончился, изображение мигнуло и сменилось. Точнее, ей так показалось. Будто на долю секунды телевизионная рябь пробежала по курочке и унесла с собой. Клетка опустела.

– Группа отправки подтверждает уход, группа отправки подтверждает уход, – зашелестело в динамиках.

– Группа приема появление объекта не подтверждает. Отсчет в пределах нормы.

– Она могла отклониться, – проворчал в микрофон Филипп Рудольфович. – Физики, что у вас?

– Спектр дрянной, Фил, – отозвались, надо полагать, физики, – жди ту же бодягу. На твоём месте я бы поставил на уши ликвидаторов. Или трупоносов.

– Не кудахтай раньше времени.

– Сам не гавкай, – физики, судя по обмену репликами и тону, не испытывали к начальству надлежащего пиетета.

Наталья ощущала себя так, будто попала на заключительную часть спектакля из жизни физиков. Ничего не понятно, но чувствовалось – здесь творятся великие дела, хотя в роли подопытного и выступала самая прозаическая курица, точнее – курочка, как ее уважительно величал Филипп Рудольфович.

– Выходим из графика... Нет, не выходим... Группа прибытия фиксирует появление объекта!

Филипп Рудольфович опять соскочил с кресла и чуть ли не носом прижался к экрану с изображением загончика.

Наталье во второй раз за последние полчаса стало невыносимо плохо. Ее прошиб холодный пот. Озноб нарастающими волнами прокатывался от пяток до кончиков безымянных пальцев, и она поняла, что если сейчас не встанет и не пойдет, то провалится в беспамятство.

Завыла сирена, замигал свет, забегали люди, что-то неистово орал в микрофон Филипп Рудольфович, а потом, бросив его на пол, побежал куда-то. Вслед за ним побежал и отец, что-то неразличимое каркнув ей напоследок. Она всё же встала и пошла сквозь водоворот людей куда-то туда, где виднелась ширма, только теперь не в виде экранного изображения, которое подавалось огромной телекамерой, а самая настоящая, несвежая, с желтоватыми пятнами. Пока она невыносимо долго шла к этой ширме, за рукав схватила какая-то женщина, но Наталья стряхнула ее руку, отодвинула ширму и увидела то, что и ожидала, почему-то, увидеть – больничную койку, провода, приборы, капельницы и тянущуюся к ней ладошку, обмотанную такими же несвежими бинтами, из-под которых наружу торчали несколько пальцев, и ей ничего не оставалось, как взять эти пальцы – еще более ледяные, чем ее собственные, и услышать свистящий, астматический шепот:

– Мама...

5

Кюри спала. По крайней мере, так утверждал самописец, рисуя на ленте узнаваемые кривые быстрой фазы сна. Наталья старалась реже смотреть на девочку, занимая себя профилактической рутинной, которую могла сделать и Ангелика, но та спала на диванчике после тяжелой ночи.

Дежурил сокращенный расчет – трое операторов и начальник смены. Эксперименты приостановили до особого распоряжения. Даже Фил, измаявшись от вынужденного простоя, в кои-то веки вернулся в городок.

Подошло время сменить бинты, продезинфицировать электроды, но тогда пришлось бы разбудить Кюри, а Наталье этого не хотелось. Еще точнее – ей вообще не хотелось перебинтовывать девочку, дабы лишний раз не увидеть то, что видеть не следовало. Странная брезгливость для медика, посвятившего себя экспериментальной медицине, мозгу и видевшего такое, после чего нормального человека вывернет от отвращения. Но здесь другое. Излишний эмоциональный контакт, как это величает Фил. Знал бы он, насколько его насмешка близка к правде!

Наталья осторожно заправила выпроस्तанную культю под одеяло и взялась за приборку на столике, где среди окровавленных клочков ваты, драных бинтов, ножниц, расширителей и скальпелей притулились самые обычные детские книжки. Последнее поступление в походную библиотечку – принесенная Ангеликой совсем новенькая книжка «Пеппи Длинныйчулок» какой-то Астрид Линдгрен. Книжка Кюри нравилась, хотя вряд ли она в ней что-то понимала, поскольку спрашивала: а что такое дом? Как выглядит лошадь? Можно попробовать эти самые блины?

После таких вопросов Наталье очень хотелось заткнуть уши и бежать отсюда не оглядываясь. Бежать далеко-далеко, на другой край страны, чтобы никогда больше не видеть ни Кюри, ни геофронт, ни всё, что с ними связано. Даже отца. А что? Ей не привыкать – убегать.

– Как она? – Поверх ширмы заглядывал Фил.

– Спит. Зачем вернулся?

– Не могу в пустой квартире. У меня, оказывается, даже постельного белья нет. Или у них так и полагается?

– У кого?

– Самураев. На голом полу спать.

– Будто здесь ты не на голом полу спишь.

Фил укоризненно покачал головой. Внутрь он не заходил.

– Давай чай попьем, – сжалилась Наталья. Не над Филом. Над собой.

Ей выделили закуток в самом дальнем углу – еще одна узкая щель, в которую еле втиснулись стол, рабочая станция и пара табуреток. Свитки энцефалограмм, рентгенограммы мозга, распечатки показаний датчиков, лабораторные тетради, анатомические атласы высились папирами чуть ли не до потолка.

– А почему это подzemелье – «геофронт»? – спросила Наталья.

– Слово хорошее, – пожал плечами Фил. – Фронт. Передовой фронт науки. А если серьезно, то японцы так называют всю подземную инфраструктуру – трубы, кабели, бомбоубежища. Вот и переняли для краткости.

Он пальцем покопался в распечатках:

– Что-нибудь удалось разгадать?

– Всё есть в отчетах, – Наталья включила категорически запрещенный здесь электрочайник. Заварка оказалась еще хорошей, даже без плесени. – Сплошь разгадки вопросов мироздания.

– О, я тоже этот фильм смотрел, – оживился Фил.

– Какой?

– Нет-нет, не переживай, – он снова сгорбился, теперь уже над лабораторными журналами. Всё же в его манере изъясняться имелось нечто неувлимо странное.

Потом они пили чай из алюминиевых кружек, ручки которых приходилось оборачивать полосками бумаги, чтобы не обжечь пальцы.

– Ты не понимаешь, как она это делает, а я до сих пор не пойму – что она делает, – сказала Наталья.

– Всё есть в отчетах, – съязвил Фил. – Но, если честно, я тоже не знаю. Физически всё выглядит, э-э-э, эффектно – в одном месте убыло, в другом месте прибыло, Ломоносов – Лавуазье. Почти мгновенно. Нет, не почти, с вариациями. В общем, нуль-транспортировка, о которой так любят писать фантасты.

– Деритринитация, – сказала Наталья, но Фил Стругацких, похоже, не читал.

– Поначалу и мы так думали, Спецкомитет тему соответствующую выбил – «Перспективные транспортные системы» для детей патронажа...

– Что? Что за дети патронажа?

Фил помолчал, посмотрел прямо в глаза Наталье, но не дождался, пока она отведет взгляд, сморгнул.

– Однако мы скоро поняли, что не всё так очевидно. Предмет, который исчезал, и предмет, который появлялся, различались не только пространственно-временными координатами, но и свойствами. Их свойства изменялись. У одушевленных и неодушевленных. Ты и сама видела ту курочку.

– Да уж, – Наталья передернулась. Кунсткамера.

– Наши теоретики считают, что это побочное явление от прохождения через это самое нуль-пространство, через игольное ушко, сквозь которое она и протаскивает предметы. Но я считаю, что они путают причину со следствием. Само изменение параметров предмета – первопричина, а его смещение в пространстве – следствие. Кюри так изменяет предмет, что он просто должен оказаться в другом месте.

– Должен?

– Подумай, в мире ведь так и происходит. Чтобы тебе перенестись из Ленинграда сюда, для начала пришлось изменить какой-то внутренний параметр – принять решение, а всё остальное сделал Аэрофлот. Поэтому в патронажной книге значится не телекинез какой-нибудь, прости господи, а скалярное смещение. Скалярное смещение, – словно пробуя на язык округлость слов, выговорил Фил.

Опять этот патронаж. Но спрашивать бесполезно, если не хочешь спровоцировать его на второй раунд гляделок.

– По-моему, ты врешь, – сказала Наталья, и Фил чуть не подавился чаем. Он долго прокашливался, зачем-то вытянув левую руку чуть ли не ей под нос, что-то сипя сквозь приступы.

– Часы, – наконец сказал он, утираясь милостиво протянутым тампоном. – Часы...

Часы оказались «Командирскими» – несбыточная мечта гражданских лиц мужского пола.

– Один из первых удачных экспериментов, коэффициент эс-эс порядка ста, но главное не это, а изменение их внутренних параметров.

– Выглядят как часы, – сказала Наталья.

– Их теперь не надо заводить. Вообще. И они не показывают время.

Стрелки на циферблате соответствовали показаниям часов Натальи. И даже секундная стрелка двигалась.

– Они не показывают время в обыденном понимании, а синхронизируются с наблюдателем, – сказал Фил. – Как ты думаешь, что происходит с часами, когда ты на них не смотришь?

– Идут? Тикают?

– А вот эти, – Фил щелкнул по стеклу ногтем, – не идут и даже не тикают, но стоит на них посмотреть, они всегда показывают правильное время.

– Но секундная стрелка движется. Я же смотрю...

– Потому что момент синхронизации тебя и часов размазан по времени.

Наталья приложила к ним ухо. Тишина.

– Забавно. И непонятно.

– Ну, почему? Реальное доказательство концепции Мак-Таггарта с разделением времени на А и Б-серии. Часы фиксируют Б-серию, которая синхронизируется с А-серией нашего индивидуального времени. Слегка скандально, конечно, признать за идеалистической философией некоторую правоту, но против квантовой физики не попрешь. Теперь твоя очередь сокровенного, – сказал Фил и ткнул рулоны. – Это результат какой-то врожденной патологии или опять всё в норме и никаких отклонений от нормы? Про отчеты даже не поминай, у меня нет времени их читать, свои бы успевать писать.

– Природа суть экономна, – Наталья обхватила кружку, пытаясь согреть леденеющие ладони. – Она никогда не берет ничего ниоткуда.

– Ага, Ломоносов – Лавуазье.

– Поэтому проявление такой уникальности, скорее всего, – побочный эффект какой-то характеристики, присущей каждому из нас. Если человек начинает видеть в темноте, то это не потому, что у него вырос третий глаз, а потому, что колбочки и трубочки расширили диапазон восприятия. Но если я права, то проблема не в этом.

Становилось чертовски холодно. Кипяток не согревал. К счастью, Фил ничего не заметил.

– И где проблема? – нетерпеливо переспросил он.

– Такая гипертрофия должна значительно изменить и саму начальную характеристику. Глаз, который начинает видеть в темноте, меняется и сам. А я этих изменений не нахожу. Вернее, вы не находите.

– Не понимаю. О чем ты? У нас всё документировано...

– У девочки должна быть еще одна способность – недокументированная. То присущее всем нам свойство, которое своим изменением и вызвало способность к этому скалярному смещению.

6

Наталья опоздала на начало сеанса. Взрослых билетов – с синей полоской – на детский сеанс не оказалось, она поколебалась, оторвала себе сразу два детских и положила в кассу, а проще говоря – обычную банку, игравшую роль таковой, пятииеновую бумажку, отсчитала сдачу и прошла в зал, где уже погас свет. На экране вовсю жарило летнее солнце и плескалось южное море, а пацанка по имени Дубравка переживала свое последнее лето детства, превращаясь из плоского и голоногого подростка в девушку.

Наталья села на ближайший ряд с краю. Неожиданно фильм захватил ее, на несколько десятков минут вырвал из ледяной ямы, где не спасали даже дозы. Лишь сухость во рту напоминала об инъекции, но привычного ощущения, будто ты воздушный шарик, парящий в небе, так и не появлялось.

Бравого офицера она заметила лишь когда фильм закончился, и нетерпеливая детвора вырвалась на свободу пасмурного воскресного дня. Тот сидел чуть впереди и ждал, когда схлынет шумный поток. Наталья вышла вслед за ним.

– Огонька не найдется?

– Только не спрашивайте, почему меня зовут бравым офицером, – он был по гражданке.

– У меня коллега, которого все называют Робинзоном, – они пошли вдоль гарнизонного офицерского клуба. Хотелось согреться. Дым слегка помогал. – Идешь по институту и слышишь: где Робинзон? Куда Робинзон? Робинзон совсем озверел. Ощущаешь себя на необитаемом острове. Или Пятницей.

– Его, наверное, так звали, – сказал бравый офицер.

– Как догадались?

– Мой случай.

Наталья даже остановилась.

– Вы шутите? Вас зовут Бравый? – почему-то это ей показалось не столько смешным, сколько важным. Очень важным.

– Зовут меня Олег Алексеевич. А фамилия действительно Бравый.

Наталья всё же прыснула. Не удержалась и засмеялась. Надолго. До слез.

– Вы... вы... вы обязательно... станете генералом, – она промокала глаза платком.

– Вряд ли, – он взял ее под руку. – Жду приказа на увольнение.

Теперь они шли по главной улице городка, по которой прогуливались пары и гоняла малышня.

– Жена, наверное, очень довольна?

– Вряд ли семейный человек пошел бы в воскресенье на детский сеанс.

– Значит, семья ждет в Союзе?

Он промолчал.

– А, заядлый холостяк? Я не в укор, – сказала Наталья, – я сама еще та феминистка.

– Кто-кто?

– Не обращайтесь внимания, нахваталась в Сорбонне. Модная болезнь, она недавно нам подарена была. Что-то мало народа для выходного. Неужели все в этих ваших знаменитых онсенах?

– Они не наши. И почему именно в онсенах? Кто-то просто в город поехал. Кстати, не желаете?

– В онсен? – Наталья опять неожиданно для себя хихикнула. Лежать голышом в горячем источнике ей показалось забавным.

– В город. Из концлагеря вы, наверное, никуда не выбирались.

Что-то порвалось, озноб вернулся. Хоть следующую дозу вкалывай. Она отпустила Бравого и присела на лавочку. Дрожащей рукой достала из сумочки пачку.

– Почему концлагерь?

– Вам нехорошо? – Бравый башней возвышался над ней, трубный глас доносился из поднебесья. – Вам нехорошо? – то ли эхо, то ли навязчивость.

– Почему концлагерь? – Чертова сигарета никак не желала прикуриваться от зажигалки, огонек которой метался из стороны в сторону, пока Бравый не сжал ее запястье, остановив тремор.

– Вы и правда желаете об этом говорить? – Удивительная церемонность для brave офицера.

– Вы начали разговор.

– Я его давно для себя закончил. Но то, чем вы занимаетесь, всё равно бесчеловечно.

– Откуда...

– Я служил с генералом Бехтеревым. Обеспечивал развертку и поддержку ОГАС. Сидел за рабочей станцией в нескольких метрах от ширмы. Они всё еще используют ширму?

– Это особый случай, – сказала Наталья. – И стечение особых обстоятельств. Наука обязана его изучить.

– Обязана? Во имя чего?

– Во имя человечества. Торжества разума. Счастья всех людей. Какой ответ вам больше по душе?

– А как же слезинка ребенка?

– Достоевский был идеалистом. Я – материалист. Вы ведь воевали? И убийство врага не считали убийством? И там гибли дети. А врачи? Чтобы спасти жизнь, порой приходится причинять страшную боль. В том числе и детям.

– Не ожидал услышать это от женщины.

– Я ученый. Особая чувствительность женщины, к вашему сведению, мужской шовинизм. Женщины безжалостнее мужчин.

– По-вашему, она лишь научный образец? И мы не можем ждать милостей от природы, взять их – наша задача?

– Послушайте, Бравый, я понимаю ваше положение – без семьи, отставка, может быть, и мой отец – не самый душевный и понимающий человек в мире, но, право, это не повод оскорблять меня.

Темная тень Бравого всё росла и росла, поглотив солнце, тепло, жизнь, оставив ее на дне какого-то колодца, куда звуки доносились еле-еле, искажаясь до неузнаваемости могучим эхо. Девочка и эхо. Очень маленькая девочка и очень громкое эхо. Ей стало невыносимо одиноко. И еще она вспомнила про научный образец с биркой, точнее – с номером, выбитым на культе. Зачем?

– Вам плохо? Вам плохо? – как заведенный повторял Бравый.

Пальцы нащупали в сумочке несессер. И плевать, что кругом люди.

7

Собака была самой обыкновенной. Даже не собака, щенок местной породы – мохнатый и неуклюжий. Он то сидел в клетке, свесив язык, то принимался по ней бегать, наматывая круги, то ложился на живот, то скулил, в общем, вел себя как обычный пес. Не понимая, что ему уготовано. Фил подходил к клетке, стоял подолгу, смотрел, даже пытался просунуть сквозь частую решетку пальцы, что категорически не приветствовалось командой отправки. Когда мимо пробежал хоть кто-то, Фил ловил его за пуговицу халата и начинал что-то объяснять, скупно жестикулируя. Пойманный виновато кивал, соглашаясь со всем или на всё, а Фил крутил пуговицу до тех пор, пока она не отрывалась.

Закончив процедуры с Кюри, Наталья стояла около ширмы и наблюдала за происходящим, пытаясь догадаться о содержании проводимых Филом бесед. По всему видно, он был как на иголках. В его карманах наверняка скопилась уйма пуговиц – не только от лабораторных халатов, но и от кителей, пиджаков. Причина нервозности – в дополнительных стульях, что расставили вблизи площадки отправки. Точнее, в тех, кто на них будет восседать во время очередной пробы.

Кюри не любила, когда рядом курят, поэтому Наталья пошла к Филу. За свой халат, застегивающийся сзади, ей можно не бояться. На этот раз в цепких пальцах руководителя находился Брысь собственной персоной.

– Меня гнетут смутные сомнения, – вещал Фил. – Не похожи ли мы на тех динозавров, которые приютили землеройку, не понимая, что та не только сожрет их потомство, но и сотрет ящеров с лица Земли?

Величественный и огромный Брысь благоразумно молчал.

– Мы вообще очень мало знаем об эволюции, согласись, Брысь? – Брысь величественно качал головой. – Еще меньше мы знаем о том, как действует механизм смены доминирующих видов. Метеорит? Пятна на Солнце? Нет, Брысь, не все то Солнце, на чем пятна. А если оно так и происходит – буднично, незаметно? Сегодня этих землероек раз и обчелся, а завтра они кишат, как носороги в городе?

– Выпей чаю, – посоветовал величественный Брысь, отнял у Фила оторванную пуговицу и удалился.

– У меня предложение, – сказала Наталья.

– Разогнать всех к чертовой матери и взорвать капище? – Фил протянул клешни к ее халату, но остановился в смущении. – Комиссия для этого и приехала. Так что не беспокойся.

– Предлагаю сделать сегодняшнюю пробу без разряда, даже щадящего.

– И ты, Брут?! Ты видела кривую симуляции? Она прет в небеса по экспоненте, – Фил отпустил собственную пуговицу, захлопал по карманам, словно собираясь предъявить ей график. – Открой последний отчет – раздел ка-эр двести семьдесят пять, код доступа...

– Видела. Еще немного, и мы сделаем ей лоботомию.

Фил пожевал губами, провел пальцем по клетке, отчего щенок вскочил и тявкнул.

– Кюри на пределе, Фил. Девочка держится, но...

Фил огляделся, потом схватил Наталью за руку и потащил за собой. В его щели не имелось даже стульев, поэтому они стояли друг напротив друга, прижавшись к голым бетонным стенам.

– Во-первых, она не девочка, – шепотом сказал Фил. – Она – землеройка, а мы с тобой – динозавры.

– Подожди...

– Т-с-с-с, во-вторых, у нее черт знает какая стадия СУРа, и здесь мы уже на финише, за которым нас макнут в бочку с дегтем и обваляют в перьях. Поэтому сегодняшнее представление для ревизоров – это даже не Гоголь, это крик души.

– Что такое «сура»? Или «сур»? Фил, не надо на меня так смотреть... Пойми...

– Не хочу даже понимать. Займись делом.

– Не груби.

Когда Наталья вернулась за ширму, Ангелика почти всё сделала – установила капельницы, подсоединила провода к торчащим из-под бинтов электродам, оставалась только инъекция «парацельса» и всё. Дальше как обычно – резиновый мундштук в рот, ремни на конечности, разряд и... и... Щенок исчезает, щенок появляется. Или то, что от щенка осталось. Скалярное смещение в действии.

Кривые на ленте еле дрожали над нулевым уровнем. Активность зоны в области гипоталамуса угасала. Наталья повернулась к Кюри и погладила по руке. Девочка шевельнула губами.

Какая же она белокожая, внезапно подивилась Наталья. Совсем не похожа на японку. А много ли ты видела этих японок за время, что ты здесь? Пару? Или тройку? Память ни к черту. Так почему же она такая белоснежка? Почти как Ангелика, которой только в фильмах про фашистов сниматься. Белокурая бестия.

– Наталья, – позвала легкая на помине Ангелика. – Всё готово.

– Подгузник смени. Хотя нет, я сама. Сама.

Если встать на цыпочки, то можно разглядеть комиссию. Знакомые официальные лица из самолета. Неужели до сих пор здесь ошивались? Вряд ли. Опять прилетели. Отец в закутке с Филом. Странно, что комиссия решила наблюдать зону отправки воочию, так сказать, без всякого монтажа. А то, может, здесь объявился доморощенный Кио, который выдает собственные фокусы за сверхчеловеческие возможности. Кстати, при всей их въедливости, визит официальных лиц к Кюри не состоялся. И не планировался.

– Не вставляй мундштук, – сказала Наталья, отрываясь от созерцания комиссии. – Сегодня обойдемся без электрошока.

Ангелика посмотрела на Наталью.

– Планом эксперимента предусмотрено...

– Я переговорила с Филиппом. Он дал добро.

– Это не в его компетенции, – упрямо завела Ангелика. – Генерал Бехтерев...

Бестия. Белокурая.

– Я переговорила с отцом, – ударение на последнем слове. Использование семейственности в корыстных целях.

– И... и что? – Ангелика развела руками. – Как тогда будет осуществлен эксперимент?

Наталья отсоединила провода от электродов. Ежик, а не девочка.

– Мы пойдем другим путем.

Щенка ловили все. Он исчез со стола отправки и появился за ширмой собственной персоной, рассевшись толстым задом на стерилизованных инструментах. Его окутывала снежная буря – крупные снежинки метались в ограниченном пространстве, носимые невидимым ветром, и если пересекали невидимую границу пузыря, то превращались в капельки воды. Дери-тринитированная собака, как мысленно обозвала ее Наталья, неудобств не ощущала – сидела спокойно и лишь изредка чесала задней ногой ухо.

– У-тю-тю, – только и сказала от неожиданности Ангелика, а Наталья прекрасно себе представила, что творится в зоне приемы. И еще официальные лица.

Звука голоса оказалось достаточно, чтобы собака вскочила и рванула со столика вместе с инструментами. Звон стекла, грохот инструментов, собачий визг словно дали сигнал массовому помешательству.

Щенок метался по всему геофронту, и поначалу его ловила сокращенная смена, потом подключились техники, а затем и все остальные.

Невероятно, но неуклюжий пес ускользал из всех наскоро устроенных ловушек и самых цепких рук. Казалось, вот-вот, и мохнатый Д-пес запутается в брошенном на него халате, пробежит по выстроенному из стульев коридору в загон, или на его лапе сомкнутся пальцы наиболее ловкого оператора. И, что самое странное, щенок путался в халате, бежал по коридору из стульев в загон, и даже ловкий оператор торжествующе сжимал собачью шерсть, но через мгновение пес успешно преодолевал все препятствия и вновь вырывался на простор геофронта. Если бы глупая скотина умела пользоваться лифтом, тогда поминай как звали.

Наталья с трудом удерживалась, чтобы не подпасть под всеобщий разгул страстей. Она стояла в проеме между ширмами, закрывая щенку путь возможного возвращения, иначе вошедшая в раж толпа снесла бы и аппаратуру, и Кюри, и их с Ангеликой. Наталья оглядывалась через плечо и видела, что Ангелика говорит с Кюри, размахивая руками, видимо, живописуя подопечной подробности погони, которую сама не видела, но слышала. Не видела, но расскажу.

Еще одним островком спокойствия оставалась комиссия. Официальные лица сидели рядом на стульях и наблюдали в подробностях, как сотрудники Спецкомитета разбазаривают народные деньги. Статуи, а не люди. Рядом с ними стоял багровеющий Николай Иванович, тяжело, исподлобья поводя глазами, похожими на черные дула. Между шумной толпой и комиссией челночил Фил, то включаясь в ловлю, то объясняя что-то невозмутимым людям, отрывая от халата последние пуговицы.

Хаотичные метания выродились в бег по кругу. Перепуганный щенок теперь несся по большому периметру геофронта вдоль лабораторных щелей, огромных шкафов вычислительной машины, рабочих станций операторов, планшетов с причудливыми траекториями скалярных смещений, вдоль подъемников и лестниц, а за ним растянулась редкая толпа преследователей.

Включилась громкая связь и голосом Филадельфии закомандовала:

– Прекратить бегать за экземпляром! Всем занять свои места. Первой группе подготовить магнитную ловушку. Брысь дать окончательный расчет.

Теперь, когда преследователи разошлись, щенок лежал на брюхе и тяжело дышал.

– Не жалеет, – сказал Брысь. – На препарацию, пока не издох.

Наталья присела на корточки и поставила на пол чашку Петри с водой. Щенок принялся шумно хлебать.

– Вот ведь... собака, – Фил достал из кармана пистолет и выстрелил в крутолобую щенячью башку.

– Ты с ума сошел! – заорал Брысь.

Но ничего особенного не произошло – щенок продолжил лакать и ушами не повел на глухой звук выстрела. Тогда Фил поднес дуло к самой голове собаки, но опять ничего не изменилось. Словно он стрелял холостыми. Гильзы со звоном падали на бетон, щенок лакал.

– Теперь понял, почему мы его поймать не могли?

– Не понял, старичок. Но ловушка уже готова.

8

– Это черт знает что! – Николай Иванович ударил по столу кулаком. Фил скривился, как от зубной боли. Наталья упрямо молчала. – Вы нарушили всё, что только можно нарушить! И даже то, что нарушить невозможно!

Генерал взял стопку отчетов и кинул их перед Натальей. Она стала аккуратно складывать разлетевшиеся листы. Диаграммы. Графики. Бледный АЦПУшный текст. Картинки. Словно

гвоздики, вбиваемые в ее репутацию ученого. Скрупулезного ученого, до сего времени не допускавшего ни малейшего отклонения от программы опытов. И репутацию дочери, чего уж кривить душой. Послушной дочери, всегда исполняющей то, о чем просит отец. Хотя тут не всё однозначно. Не всё то Солнце, на чем пятна. Да? И сверху объяснительная от руки с правильным до тошноты почерком и правильным до отвращения изложением фактов. Факты. Ничего кроме фактов. Идеальный донос. Персонально от Ангелики Бюхер.

Генерал привстал, перегнулся, и Наталье на мгновение показалось, что его сложенные в клешню пальцы вцепятся ей в горло. Или волосы, чтобы пару раз приложить лицом об стол – сопли, кровь, слюна на документы. Но он всего лишь схватил рукописное творчество белокурой бестии и принялся вслух зачитывать избранные места.

В нарушение всех инструкций... не доложив вышестоящему... сговор с испытуемой... крайняя небрежность... презрев установленный порядок...

– Презрев? – вскинулся Фил.

– Да, презрев, – генерал сверился с написанным. – Или здесь что-то неверно? Разве вы не пошли на преступление, чтобы сорвать ответственный опыт?

Отцу бы только диссертации писать – «Обращение на «вы» как лучший способ высказать презрение». Дочь презрела установленный порядок, а отец теперь презирает ее.

– Мы достигли предела, – сказала Наталья. – Электрошок уже неэффективен. Необходима другая стимуляция – и более глубокая, и более щадящая. Да, я нарушила все инструкции, но не оставалось времени на бюрократию.

Николай Иванович хватил ладонью по столу.

– Хорошо, – сказал он неожиданно спокойным голосом. – Это моя ошибка. Я надеялся, что ты... В общем, собирай вещи и убирайся. В Москву, Ленинград, Сорбонну, куда хочешь. Но чтобы в двадцать четыре часа духу твоего здесь не было.

Встречая в книгах расхожую фразу «В воздухе повисла тишина», Наталья воспринимала ее не иначе как затертую метафору. Но теперь она ощутила эту повисшую тишину на физиологическом уровне – как нечто тяжелое, пыльное, давящее, окутывающее без просвета. Ни дышать, ни говорить, ни плакать. Глубокая анестезия всех телесных проявлений горя, страха, тоски. Все эти чувства повисшая тишина заперла внутри, не давая выхода. Не тело, а воздушный шарик.

И лишь из невообразимо глубоких недр этой тишины малоразборчиво бубнит Фил:

– Шеф, не надо рубить сплеча... предстоит разобраться... таких результатов давно не получали... Наталья Николаевна... испытуемая... Спецкомитет...

– Черт тебя побери, Филипп, ты разве не понимаешь, что она взяла над ней контроль?!

Какой контроль? Над кем контроль?

Наталья пыталась кричать, но разве слова могут преодолеть космическую бездну тишины? Ее не одолеть и «Заре», потому что это гораздо дальше Марса, гораздо дальше. Только Кюри могла бы помочь. Изменить в ней тот самый скрытый параметр, который бы перенес ее с одного края пропасти, где она стояла последние семь лет, на другой край пропасти, где стоял отец. И отец ее давно забытого дитяти.

И вот она здесь. В своей комнате. Точнее – комнате отца. Еще точнее – казенной комнате. Лежит на полу и смотрит в потолок. Ни удивления от столь внезапного перемещения, ни страха, никаких иных чувств. Деревяшка. Только в голове гудят колокольные раскаты отцовского приказа: убирайся! Убирайся! Приходится вставать и убираться. Уничтожать следы своего пребывания. Избавляться от улик. Складывать скудные пожитки в чемодан. На это ушла вечность. И еще чуть-чуть, чтобы подумать над вопросом: а как зовут Кюри? Ту, давнюю Кюри, которая Склодовская, звали Мария. Хорошее имя. Почему бы и нашпигованную электродами девочку не назвать Мария? Тем более их судьбы так похожи – жизнь, положенная на алтарь

науки. Высокопарно, но верно. Только у одной это добровольная жертва, а другая – просто жертва. Наука – всегда жертва. Ей ли не знать.

Сомнамбулой ходить по дому, держась за стены. И придерживая другой рукой живот. Ах да. Это рефлекс. Такое уже случалось. Она сомнамбулой ходила по дому и держалась за живот. Огромный такой живот. И никого рядом. Потому что никто и не должен был знать. Ведь она проводила тайный эксперимент, хотя каждый мог видеть его последствия – этот самый живот на девятом месяце. Все видели, но никто не понимал. Глупые бабенки, которых полно и в институте, и в науке, только шептались, поглядывая на плод эксперимента. Но ей плевать, потому что хуже она себя еще не чувствовала. Что-то наверняка шло не так, должно было идти не так, ведь она не собиралась доводить дело до готового ребенка. Вполне достаточным являлось *in vitro*. Но когда она останавливалась в своих экспериментах на достаточном и, тем более, необходимом? Вот и с Марией точно так же. Кюри?

Шприц прожигал насквозь. Но облегчения не принес. Ни намека. Только обморозил внутри головы мельтешение мыслей, превратив в снулых рыб. Достаточно, чтобы пустить внутрь мир внешний. Включая и Фила, который сидел в кресле и рассматривал ампулу.

– Это не наш метод, – покачал он головой. – Это годится там – от безысходности, безработицы.

– У меня безысходность и безработица, – зачем-то ответила Наталья.

Фил сунул ампулу в нагрудный карман ослепительно белой рубашки. Поправил темный-претемный узкий галстук.

– И с первым, и со вторым разберемся. А вот с этим, – он прижал руку к карману, – придется разбираться самой.

Он помолчал и странно сказал:

– Представь, что у некоего человека есть способность понимать все языки мира. Все, какие есть, и все, какие только были в истории. Мертвые и живые. Примитивные и сложные. Естественные и искусственные. Любые. Как ты думаешь, на каком бы языке разговаривал этот абсолютный полиглот?

Фил в своем репертуаре задавать парадоксы. Надеется ее отвлечь?

– Не знаю. Ничего не знаю. На любом. Какая ему разница?

– А мне кажется, что он будет немым, – сказал Фил.

– Я бросила своего ребенка, – зажмурившись, сказала Наталья. Но даже жалости к самой себе не возникло. – Отказалась. Бросила. Презрела.

– Ты это о Кюри? – Фил закурил. – Хочу тебя успокоить...

– Она тоже являлась экспериментом. Зачатие в пробирке. Слышал о таком?

Фил долго молчал.

– Об этом обязательно говорить?

– Ах да, не слышал. О таком не сообщат по радио и в «Науке и жизни» не напишут. А знаешь почему? Потому что кое у кого нет научных тормозов. Добилась мейоза – сливай в раковину и пиши статью об очередных успехах советской науки. Большинство бы так и сделало.

Фил встал, и Наталье показалось, что он уйдет. Это бы ее не остановило – она бы плакала в жилетку креслу. Но Фил всего лишь подошел к окну, открыл его и остался там стоять.

– А у меня нет тормозов, Фил. Понимаешь? В чем угодно есть, даже в обычных бабьих штучках не тормоза, а тормозища, а в науке – нет. Вообще нет. Поэтому я... Подумаешь – зачатие! Холодное, в пробирке – без любви, хотя какая любовь – даже без животной страсти. Всё взвешено и рассчитано. А вот получить из этого комочка слизи живое и орущее – это да, прорыв в науке. Но в расчеты закралась ошибка. Как там... Ах да, тебя это не интересует.

– Прекрати, – попросил Фил. Почти жалобно. Не всякий выдержит богатства чужого внутреннего мира. Со своим бы справиться.

– Прости. Но скажи – зачем это всё?

– Что? – Фил подвинулся ближе.
– Всё, – упрямо повторила Наталья. – Наука. Знание.
– Знание – сила, – сказал Фил.
– Чушь. Многие печали. Ничего, кроме печалей. Пытка природы. Думаешь, можно доверять показаниям, полученным под пыткой? Мертвечина.
– Я тебя не понимаю, – вздохнул Фил.
– Знание – как вода. Из сказки. Бывает живое, а бывает мертвое. Не вредное. Мертвое. Но самое ужасное, что мы потеряли критерий, который мог их разделять. Отделять агнцев от козлищ.

– Ты бредишь.

Наталья замолчала. Молчал и Фил. Потом всё же сказал:

– Он живет на мгновение назад. Чертова псина. Мы еще точно не определили, но несовпадение временных фаз подтверждено. Никто ничего не может объяснить. Почему воду пьет, корм жрет, а пули в него не попадают и голыми руками его не схватить? У нас даже аппарата нет, чтобы это описать. Грубо. Приблизенно. Но эффекты! Великолепная физика!

Великолепная физика. Великолепная физиология. Великолепная наука. Наталья шевелила губами, пытаясь пересчитать трещины на побелке. Почему-то ей казалось – сколько трещин, столько и людей, которых наука ухитрилась осчастливить. Хотя бы походя. Недокументированной способностью науки делать людей счастливыми.

– В общем, я уговорил деда... хм, Николая Ивановича отменить свое решение. К черту Сорбонну, у нас тут дел неуворот. А времени нет. Нет времени! Собака, живущая в прошлом, есть, а времени нет. Такой вот парадокс Эйнштейна, будь он не ладен.

9

– Не снимай очки, – попросил Бравый. – Очки тебе очень идут.
– Хорошо. Как прикажете, товарищ капитан, – Наталья разделась и теперь стояла перед ним, не очень понимая, что делать дальше. Бравый как-то нерешительно расстегивал пуговицы на кителе.

Со стороны выглядело, наверное, смешно. Два взрослых человека, один из которых полностью голый, если не считать очки, а другой медленно переходящий в такое же состояние, собрались с вполне понятным намерением в комнате с расстеленной кроватью, но при этом ведут себя как сопливые подростки, впервые решившие попробовать то, о чем зубоскалят в подворотнях.

Наталья подошла к постели, некогда имевшей полное право называться супружеской, откинула одеяло и легла. Заложила руки за голову и смотрела на Бравого.

Тот отвернулся и возился теперь с галифе. Военная форма явно не способствовала адюльтеру. Наталья протянула руку и погладила Бравого по голой спине.

– Ты знаешь, моя жена... бывшая жена никогда не снимала ночнушку.

– Почему?

– Стеснялась, наверное. Говорила, что голыми это делают только проститутки.

– А ты и не настаивал.

– А я и не настаивал.

Он справился с галифе, стянул трусы и лег.

– Но ты же настоял, чтобы я не снимала очки.

– Я попросил.

Наталья сняла очки и положила их между ними.

– Считаешь меня проституткой?

– Нет-нет, что ты! – Он даже сел. – Прости, не понимаю зачем вообще об этом заговорил.

– Наверное потому, что никогда до этого не изменял супруге.

– Проклятье, – Бравый дотянулся до кителя и достал из кармана сигареты. Долго и неловко прикуривал.

– А мне можно? Или это тоже больше соответствует дамочкам легкого поведения?

– Нет-нет, моя дымила как паровоз, – он отдал ей свою сигарету и достал новую.

Наталя затаилась и собралась съязвить, что хоть в чем-то соответствует высоким морально-этическим стандартам жены советского офицера, то есть бывшей жены, но промолчала. Они усиленно дымили, стряхивая пепел в причудливую морскую раковину, которую Бравый уместил между ними. Преграда между двумя обнаженными телами только росла. Осталось поставить сюда еще радиоприемник и натянуть ночнушку, которой у нее не было, и наступит полная семейная идиллия.

– Так и будем курить, товарищ, по одной? – Наталя загасила окурочек.

– К черту, – Бравый переставил раковину на столик. – Очки надень.

– Это просьба?

– Приказ.

Она ничего не чувствовала. Как под местным наркозом. Трение слизистых оболочек, и всё. Она и раньше не отличалась темпераментом, но теперь совсем иное. Омертвление чувств. Обуздание инстинктов. Это ненормально, тем более что остальные реакции организма оставались в пределах нормы. Хотя что такое норма в постели? Лежать, раздвинув ноги, и смотреть в потолок? Бравый тыкался губами в щеку, мямл грудь. Наталя хотела дождаться разрядки, но у соломенного вдовца долго не получалось.

– Давай попробуем по-другому, – Наталя осторожно похлопала Бравого по потной спине.

– Что? Как?

– Ляг. Вот так. Спокойнее. Ничего не делай, я всё сделаю сама.

Судя по всему, жена Бравого держала его на позиционном сухом пайке – строго в ночнушке и строго на спине.

– Ты где этому научилась? – почему-то прошептал Бравый.

– В Париже. Был в Париже?

– Почти.

– Это как?

– Сотню километров не дошел со своим батальоном. А съездить потом не удалось.

– Неужели тамошние девицы не преподали юному воину-освободителю уроков любви где-нибудь на сеновале?

– Перестань. Нет, не перестань, продолжай...

До самого последнего мгновения Наталя ничего не испытала. Ни капли возбуждения, ни грамма страсти. Или так и должны себя чувствовать женщины легкого поведения? Оргазм – дело чересчур затратное. Особенно для женщины, которой природой предписано понести и девять месяцев взращивать плод. Слишком сложное мероприятие, чтобы расточать энергию на оргазмы. Мужчины – другое дело. Расходный материал эволюции. Без оргазма не пошевелится.

– О чем думаешь? – Бравый ворошил ее короткие волосы. Пытался ухватить покрепче в какой-то мужской ласке. Не получалось.

– Об оргазме, – призналась Наталя. – Где сигареты? А, вот.

– Там действительно была одна француженка, – сказал Бравый. – Ничего особенного. Обычная деревенская дурнушка. Но симпатичная.

– Только не надо рассказывать о своих бравых похождениях.

– Нет-нет. Я был молод и глуп. Даже войны толком не видел – задел краешком. А то, что видел, не способствовало романтике.

Он вдруг сел.

– Ты чего? Не хочешь, не вспоминай.

– Горы обуви. Горы детской обуви. Горы игрушек.

Наталья погладила его. Он вздрогнул, но не обернулся. Не отстранился.

– Столько лет прошло, а они перед глазами стоят. Как картинка. Кому только в голову пришло включить пацана, и войны-то не видевшего, в батальон связи? Связи... Аушвиц, Бухенвальд, Форт де Роменвиль – и везде нужна связь для следователей. Наверное, поэтому и включили – мальчишка, не озверел, не видел крови, значит, должен выдержать. Выдержать. Кто-то ведь должен делать и эту работу?

– Прости. С этими идиотскими шутками...

– Я виноват, – сказал Бравый. – Ужасно виноват.

Наталья обняла его, прижалась крепче. Рука скользнула по животу.

– Всё было хорошо, даже и не думай...

Бравый вздрогнул от прикосновения.

– Нет. Я не об этом. Дело в том, что это я открыл детей патронажа.

Наталья замерла.

– Открыл? Детей патронажа? О чем ты?

– Форт де Роменвиль. Это не был обычный лагерь. То есть был, конечно же. Там в специальном отделении содержались детишки. Не очень много... Следователи долго не понимали, для чего. Точнее, понятно, что над ними ставились эксперименты. Странные эксперименты. Непонятное оборудование. Никаких записей. И свидетелей. Всех детей перед нашим наступлением... Почти всех. Но я нашел одного. Совершенно случайно. В той деревне... Дурак, какой же я дурак.

Наталья слушала, а он говорил и говорил. Хорошо, что он не видел ее лица. Хорошо, что она не видела его. И ничего не чувствовала, ни ужаса, ни жалости. Только то, что из нее вытекало. Медленно, вязко, липко.

А потом он спросил:

– Можешь кое-что взять для нее?

– Для Кюри? Наверное. Она любит книги. Если у тебя остались детские...

Он резко встал и принялся копаться в шкафу, сбрасывая на пол картонные коробки.

– Где же они? А, вот, нашел.

Наталья приподнялась на локте. Бравый держал на ладонях, будто преподносил ей подарок, пару туфель. Красные, лакированные, с закругленными носками. Мечта любой девочки.

– Дочка их не надевала.

Коробки усеивали пол. Кое-какие открылись, высыпав содержимое – ботинки, сандалии, туфли, тапочки – яркие и пестрые.

– Так ты возьмешь?

У Натальи пересохло в горле. Пришлось кивнуть.

10

«Вход запрещен – предъявите допуск».

Зеленые буквы на темном экране. А что она ожидала? Рабочая станция привычно гудела, непривычно отказывая ей в доступе к нужной информации. Конечно, можно попробовать свой доступ. Скоммутироваться с длинной цепочкой передающих центров – Бритва, Декадник, Гора, но сколько понадобится времени? И не факт, что доступ из Института экспериментальной медицины откроет хранилище Спецкомитета.

Оставалось только закурить и разглядывать папки со статистическими отчетами по пятилетнему плану округа Абасири. Сбор лука и перечной мяты, выгон саке и животноводство. Много интересного, но ей совершенно не нужного. А нужен ей всего лишь набор цифр или,

скорее, кодовое слово. И если это слово, то она вполне может его знать. Нечто сентиментальное. Из прошлой жизни. Например, ее имя.

«НАТАЛЬЯ»

«Вход запрещен – предъявите допуск».

Или позапрошлой жизни – имя мамы.

Один ответ.

Наверное, это обидно. Имена двух самых дорогих женщин не удостоились чести стать паролем для доступа к документам особой важности. Хотя что она знает об отце? Сколько у него было этих женщин в тех далеких и безвестных гарнизонах, куда мама ехать отказывалась? Случалось ведь и такое. Редко, но случалось. Вот, например, еще имя:

«КЮРИ»

Вход запрещен, и далее по тексту.

Слишком прямолинейно. Может, катакана? Пришлось сверяться с бумажкой, набирая индекс каждой замысловатой буквы, точнее – слога.

Бесполезно. А времени в обрез. Скоро доза прекратит свое действие, легкий намек на эйфорию окончательно испарится и придется возвращаться. Трясущимися пальцами много не понабираешь.

Внизу экрана зажглось окошечко:

«ПЕРЕВОД?»

Чего перевод? Наталья ткнула в клавишу.

«ОГУРЕЦ»

Вот так так. Кюри – не просто Кюри, и даже не Склодовская-Кюри, а всего лишь огурец. Овощ. Бесплезный, но популярный в садово-огородных товариществах. Такой зеленый, с пупырышками. Хорош в соленом виде. И малосольном. Нет, она знала, что местные имена что-то значат. Например, нечто поэтичное. Одинокая луна или Поющий ветер. Но Огурец? Есть в этом нечто унижительное. Больше похожее на кличку.

Пальцы ощутимо дрожат. Сгиб локтя онемел, будто там кусочек вечного льда. Об этом тоже стоит подумать – что с ней происходит и почему. Но о себе думать всегда недосуг. А если говорить честно – страшно.

Хорошо, перейдем всё же на числа.

День рождения мамы.

Промах.

Ее день рождения.

Никак.

Его день рождения, что глупо.

Ожидаемый результат.

Какой еще памятный день? Очередная сигарета дотлела до фильтра. Пачка пуста. Мы не так запоминаем хорошее, как плохое. Память – хитрая штука. Наихудшие воспоминания только кажутся стертыми, но, когда приходит время, они вдруг возникают из тайного уголка – яркие, подробные, омерзительные. До тошноты. Как бы она хотела забыть ту боль! Бедные женщины. Расплата за эволюцию, за прямохождение, за длинные и сильные ноги, помогавшие когда-то убегать от хищников, а теперь всего лишь способ завлечь прямоходящих самцов. Инстинкт продолжения рода, который настолько силен, что даже в век науки рядится в одежды похоти, моды и той же науки. Может, это всё инстинкт? Инстинкт размножения, который в ее случае принял столь замысловатую форму? Шестидесятый год. Тот самый день. Тот самый месяц. Боль. Отчаяние. Ужас.

Пальцы промахивались по клавишам. Зеленые числа расплывались. Она вытирала слезы, шурилась, пытаясь разобрать за светлыми пятнышками роковую дату. Он был там. Вместе с

ней. Почти. Сидел в коридоре, воспользовался служебным положением и слушал ее крики. О чем он думал? Вот она – ни о чем.

Сделано. И – ничего.

Конечно, он не мог так поступить. Похоже на самоистязание. А может, он поэтому и не пользовался своей станцией, что каждый раз приходилось набирать роковую дату?

Ошибка. Она допустила ошибку. Вместо шестерки – семерка.

Сработало.

Она смотрела, как по экрану ползут строчки доступных дел. Дети патронажа. Синдром угнетения разума. «Парацельс». Кюри-Мария. Наталья.

Читать нет ни сил, ни желания, ни времени. Рулон в АЦПУ почти кончился. Но достаточно для распечатки. Чего? Какую правду она хочет знать? Точнее, подтвердить?

Правда – самая страшная вещь на свете.

11

Ночная смена. Присутствие Натальи возле Кюри необязательно, но это единственное место на земле, где она чувствует себя сносно. Физически – следует уточнить для полноты клинической картины. Ангелика спит в закутке. Что тоже добавляет порцию облегчения. Теперь уже душевного. В геофронте затишье. Лишь привычный гул машины, иногда разбавляемый шелестом печатной ленты. Сидящие за рабочими станциями вяло нажимают клавиши, но лишь для того, чтобы не задремать. На застекленном шкафчике – ярко-красные туфли. Новые. Не ношенные. Куда, а главное – кому в них ходить? Вживление электродов в мозг – опасная операция. Как зондирование Вселенной, неизвестно на что наткнешься. Ну, почти неизвестно. Миллиметр вправо, миллиметр влево, десятая часть деления шкалы напряжения, а может, все вместе, и вот ноги – лишняя часть тела. Нет чувствительности, потом нет кровотока, и чтобы спасти всё, приходится жертвовать частью. Ничего злонамеренного, всего лишь медицина. Огурец. Провидческое прозвище.

У нее здесь много прозвищ, и все, наверняка, провидческие. Наталья достает сложенную бумажку и еле-еле разбирает блеклый точечный шрифт АЦПУ: Демон Максвелла, Огнивенко, Заграбастов, Шприц, Поломкин и так далее по странному списку, где среди непонятных то ли кличек, то ли кодовых имен выбивается из причудливой фантазии составителя некая Надежда Иванова. За которой сразу же следует Огурец. Вот так просто – кто-то заслужил имя и фамилию, а кому-то и клички достаточно. Или Надежда Иванова – тоже прозвище?

– Туки-туки, – сказал Брысь, заглядывая с высоты своего роста поверх ширмы. – Не спишь?

– Кто такой демон Максвелла?

– Демон, которого придумал Максвелл для постановки мысленного эксперимента по разделению молекул различной энергии, – Брысь даже не удивился. – Он, то есть демон, стоит около дырки, соединяющей две емкости, и открывает эту дырку молекулам с определенной энергией. Результатом должно стать то, что в одной емкости у нас будет горячий газ, а в другой – холодный.

– Ага, а что делает Огнивенко?

– Какой такой Огнивенко?

– Это тоже демон для мысленного эксперимента?

– Никогда о таком не слышал, – Брысь даже лысину почесал в подтверждение своей озадаченности. – Хотя наш брат физик любит придумывать всякие красивые сущности. В «Технике – молодежи» об этом прочитала?

– Вроде того.

– Ну, тогда понятно, – чуть ли не с облегчением сказал Брысь, – они и не такое напишут. Фантасты. Читай что посерьезнее – «Науку и жизнь», например. У меня есть пара популярных книжонок, могу подкинуть.

– Про скалярное смещение? – Наталья встала и поправила капельницу. Проверила иглу, для чего пришлось откинуть простыню. Кюри беспокойно зашевелилась.

– Н-нет, про это еще не написали, – Брысь смотрел на перебинтованную девочку.

– Почему? Ты зайди, чего стесняешься? Ты и синхрофазотрона какого-нибудь будешь стесняться?

Брысь закусил губу, отчего оттопырился клочок волос на подбородке, подумал, открыл рот, то ли собираясь отказаться, то ли набирая воздуха для смелости, но потом всё же шагнул за ширму, присел на стульчике – огромный, с окладистой бородой.

– Что мы тут наблюдаем? – спросила Наталья. – А наблюдаем мы тут ребенка женского пола, приблизительно семи лет – точнее пока установить невозможно, с уродствами врожденного – и не только – характера. Если говорить о верхних конечностях, то это, несомненно, следствие нарушений внутриутробного развития. Как вы думаете, коллега? – Брысь сумасшедшими глазами смотрел на Наталью. Она осторожно взяла культю и помахала ему. – Здравствуйте, дядя Брысь, здравствуйте! Давно хотела познакомиться с тем, кто бьет меня электричеством, дядя Брысь, – сменила писклявый голосок на отстраненность профессора: – Хотя отсутствие нижних конечностей следует отнести к приобретениям внеутробного развития, судя по шрамам. В чем же причина, коллега? Я бы отнесла это на счет внутримозговых повреждений, учитывая количество имплантированных электродов и периодические сеансы шоко-терапии. Теперь предлагаю приступить к осмотру головы девочки. Коллега, вы не можете снять бинты?

– Прекрати, – прошептал Брысь. – Прекрати немедленно.

– Почему? – Наталья удивленно приподняла брови. – Разве физик не должен знать, как устроен прибор, с помощью которого он делает столь впечатляющие открытия? То, что прибор имеет вид семилетней девочки, для науки значения иметь не должно. Или таких приборов много? Целая толпа приборов и каждый – готовая Нобелевская премия?

Наталья шагнула к Брысю, тот неловко подался назад и упал вместе со стулом, запутался в халате и возился на полу огромным неуклюжим насекомым, всхлипывая и шепча:

– Ты не имеешь права так говорить, ты не имеешь права так говорить, ты...

Пришлось помочь ему подняться и усадить на смотровую койку. Дойти до шкафчика, достать емкость и две мензурки. Спирт прошел по горлу прохладной водой и осел в желудке тяжелой лужицей. Но на Брыся подействовал как надо.

– Сколько их всего? – спросила Наталья.

– Много. Очень много.

– И у всех этот самый... скалярный?

Брысь отобрал у нее емкость и глотнул из горлышка.

– Нет. Конечно же, нет. У всех по-разному. Разные причуды. Ты не понимаешь. Ты многого не понимаешь, – всхлипнул почти по-бабьи, – а сама-то, сама! Нас сегодня-завтра закроют, шарашку ликвидируют, а ее... – он мотнул неопределенно головой.

– Из-за комиссии?

– Из-за комиссии, из-за опытов, из-за СУРа, из-за полета на Марс, из-за того, что на дворе шестьдесят седьмой. Мало ли причин?

Наталья схватила хныкающего Брыся за шиворот, притянула к себе и прошептала в ухо:

– Отсюда можно выбраться?

Брысь дернулся, пытаясь освободиться от хватки, но его совсем развезло.

– Нельзя. Ты вообще о чем?

– Ты же понял – о чем.

– Тогда точно нельзя. И куда ты побежишь? С ней? – Брысь от страха трезвел. – Я вообще ничего этого не слышал.

Наталья хлебнула из мензурки. Вода водой.

12

Машина ехала по дороге, петлявшей между холмов. Несколько раз их обогнали грузовики с контейнерами – эвакуация семей из военных городков завершалась. Потом дорога окончательно опустела. Бравый смотрел вперед, лишь иногда отрывая руку от руля, чтобы притронуться к Наталье. В маленьком окошечке отматывались сотни метров и километры. Расстояние до свободы. Она сразу ощутила неудобство, как только выехали за ворота КПП – словно заныла перетруженная спина. Пыталась устроиться в кресле и так и сяк, но тупая боль расплзалась по телу, как чернила по промокашке.

Датчик Брыся предательски моргал красным.

– Как ты? – спросил Бравый.

Наталья неопределенно промычала. Говорить не хотелось.

– Всего ничего проехали, – сообщил он – то ли в утешенье, то ли в укор.

– А тебя за это расстреляют, – сказала Наталья.

– Спасибо.

– Не за что.

Теперь можно на цифры не смотреть. Каждый метр она ощущала по вспышке боли. И приступу тоски. Если у тоски могли быть приступы. Ей казалось, что она попадала в арктическую пустыню, а потом, не сбавляя скорости, – в пустыню монгольскую. Из адской стужи в дьявольское пекло. Хотелось кутаться в одеяло и раздеваться догола. Одновременно.

– Пить, – попросила она.

Бравый остановил машину, достал с заднего сиденья термос, налил в крышку зеленого чая. Держать ее Наталья не смогла – руки тряслись. Он взял ее за затылок, поднес к губам крышку с зеленоватой жидкостью. Попыталась глотнуть, но горло свело, как от невероятной кислоты, и она чуть не подавилась. Долго кашляла, задыхаясь, ощущая, что течет изо рта, носа и даже глаз. Бравый придерживал за плечи, чтобы она не ударилась о приборную доску. Когда приступ кончился, осторожно уложил спиной на кресло, снял запачканные очки, вытер лицо платком.

– Плохо мне, – сообщила Наталья.

– Возвращаемся?

– Сколько?

– Два километра шестьсот метров. И еще немного.

Японский бог. Отец всегда так ругался: «Японский бог». Почему японский? И чем он провинился?

– Надо ехать, – сказала Наталья и не поверила собственному голосу. Неужели она это сказала? – Слишком близко. Очень близко. Нам нужен зеленый огонек. Зеленый.

– Ерунда, – Бравый открыл дверь, закурил. – Этого вполне достаточно.

– Тебя точно расстреляют.

Еще один перегон. Теперь он едет еще медленнее, не едет, а ползет. Ему кажется, что так ей будет легче. Вряд ли. Всё равно что рубить щенку хвост частями. И ей что-то рубят. Частями. И пилят. Сотня японских лесорубов вонзили в нее свои пилы и разделяют на куски. Зачем? Она ведь не дерево! Дерево, сказал бригадир японских лесорубов. Мы тебя видели в постели – бревно бревном. Мне стыдно, сказала она бригадире японских лесорубов. Я действительно деревяшка – бесчувственная. Пилите меня, пилите. Я заслужила.

Сквозь визг работающих пил доносился далекий голос. Очень далекий. Как писк комара. Такой же назойливый. Наташа! Наташа! Кто ее зовет? Разве ее так зовут? Никто ее так не звал. Никогда. Наталья. Наталья Николаевна. Этого так оставлять нельзя. Наташа! Или это не она? Давно не она? Была Наталья, стала какая-то Наташа.

И гипнотизирующий красный глаз. Как светофор. Проезда нет.

В лицо плеснули холодным. Прояснилось. Исчезли японские лесорубы, но лес остался. Багровые отблески на золотом. И боль осталась. Боль, что взрывалась в голове багрово-золотыми фейерверками.

– Сколько? – язык еле ворочался.

– Достаточно, – Бравый сидел перед ней на корточках и растирал ей ступни. – Уже зеленый.

– Точнее.

Он надел ботинок, зашнуровал. Расшнуровал второй, осторожно поставил на землю. Сквозь чулки его пальцы казались раскаленными гвоздями.

– Три семьсот.

– Годжира рядом?

– Какой еще... а, да. Совсем рядом.

Брысь не ошибся. Крайняя точка смещения здесь.

Ее слегка отпустило. Было невыносимо, стало неумолимо. Но без шприца не обойтись. Потому что даже сил сказать: «Поехали дальше» не находилось.

– Возьми в сумочке.

– Что?

– Шприц. Жгут. Ампулу.

Странно, но Бравый не стал возражать. Выгляжу совсем плохо, догадалась Наталья. Только вот сделать себе инъекцию она не сможет. Никак. Тем более в вену. А Бравый вряд ли попадет куда надо. Тем более в вену.

Но он попал. Не сразу. Очень не сразу. Но что такое боль от ковыряния иглой по сравнению с ее состоянием? Мелочь, не стоящая внимания. Укус комара. Очень злобного комара.

Как уже стало привычным, она почти ничего не почувствовала. Той эйфории забытья, которая превращала мир чудом одной инъекции в нечто неважное, иллюзорное. Вот оно, медикаментозное опровержение материализма. В том числе исторического. Иначе как объяснить, что человек эпохи социализма вдруг скатывается в махровые пороки капитализма? Добровольно. Или прав товарищ Сталин: по мере продвижения по пути социализма классовая борьба будет только нарастать? Причем в отдельно взятом человеке.

Наталья скорчилась на сиденье. Вот так, на боку, казалось полегче. Чуть-чуть. В опущенное окно дул холодный ветер. Почти компресс на горящем лице. Внутри заледенелого тела нечто рвалось. С хрустом. Но об этом лучше вообще не думать.

– Здесь ты меня ждешь.

– Но...

– Иначе никак. Брысь пообещал сюда.

– Брысь? – Бравый закурил. – Вы это серьезно? Нет, подожди, – он выбросил сигарету в окно и повернулся к ней. – Я понял – он тоже колется? Да?

Наталья погладила Бравого по щеке. Кое о чем ему лучше не знать.

– Передатчик. Отнеси его в лес.

Бравый вытащил с заднего сиденья чемоданчик, как две капли воды похожий на «тревожный», открыл, проверяя начинку, захлопнул и вылез из машины.

Когда он через вечность вернулся, она попросила:

– Не думай об этом. Думай о том, что будем делать дальше.

– Сядем на самолет и улетим.

- Так просто? По маршруту Осака – Москва?
- Сядем на транспортный чартер и улетим. Здесь уже моя забота.
- Твоя, только твоя, – сказала Наталья. – Теперь поехали назад. Или я сейчас умру.

13

- Ничего не получится, – сказал Брысь. – Ни-че-го.

Он возился за пультом, нажимая клавиши и подкручивая маховички, будто это как-то могло решить задачу, что находилась в голове у Кюри. Стоящая под рукой «Спидола» сквозь треск помех вещала: «Миролюбивая политика СССР... распоясавшаяся американо-японская военщина... очередное нарушение взятых на себя обязательств... в боестолкновении над проливом...» Наталья выключила приемник.

- Ты своих отправил?

Брысь посмотрел на нее. Руки, словно живущие отдельной жизнью, продолжали суетливо передвигаться по пульту. Наталья перехватила его запястье, прижала ладонь к груди. Никакого соблазна, всего лишь успокоение. Мягкость и тепло груди заменяют двести миллиграммов транквилизатора. Тем более что этих миллиграммов у нее и нет.

Вряд ли их кто видел в этом закутке физиков с громоздкими магнитными ловушками, малой вычислительной машиной и шкафами с загрузочными лентами. Сокращенную смену сократили еще вдвое – кого-то эвакуировали с семьями на материк, кого-то командировали в район конфликта. Даже вездесущий Фил резко снизил градус своего присутствия, разъезжая с комиссией по точкам. Скорее всего, он поставил крест на Кюри. Только отец никуда не выезжал, а дневал и ночевал в кабинете. Что он там делал, Наталья боялась себе представить.

- Отпусти, – попросил Брысь. Осторожно отнял руку от груди, переложил на свое колено.
- Успокоился?

– Она запорола все тесты, – сказал Брысь. – Даже самые простейшие. Синдром в полном разгаре. А это значит, что она уже...

- Не рассказывай мне про то, что я знаю.
- Она хоть говорит?

Наталья покачала головой.

– Но понимает, – поспешила добавить, чтобы не вогнать Брыся обратно в черную меланхолию. – Не всё... но понимает.

– Бессмысленно, – сказал Брысь. – Собственно, так и должно быть. За эволюционный скачок всегда приходится расплачиваться. Шерстью, хвостом, разумом.

– Брысь, милый, давай без лекций, – попросила Наталья. – Понимаю твое состояние, понимаю, чем тебе это грозит, но времени нет. Придумай хоть что-нибудь.

– Что я придумаю?! – Брысь страшно зашипел, сдерживаясь, чтобы не закричать. – Это физика, милочка! Физика! Расчеты! Формулы! И если формулы говорят, что я должен подать на контакты такое-то напряжение, то физике глубоко наплевать, что у кого-то зажарятся мозги! Хочешь получить расстояние – будь добр обеспечить мозговую активность на сверхкритическом уровне. Баста.

Наталья зажмурилась, досчитала до десяти, потом для верности до тридцати. Не для себя. Для Брыся.

- Всё?
- Угу, – буркнул он.

Звякнул ЗАСовский телефон. Брысь взял трубку, долго слушал, хмурился, кусал губы, неслышно шептал, не решаясь возразить говорящему.

- Я всё понял, товарищ генерал. Конечно. Простите, так точно.

Как величайшую драгоценность он опустил массивную трубку на аппарат, взял себя двумя пальцами за челюсть, подвигал ее, словно разрабатывая онемевшие мышцы.

Наталья ждала.

– Тебя вызывает. Немедленно.

Здесь она еще не бывала – просторный по блиндажным меркам зал, стол под зеленым сукном, стоящие вокруг него стулья, на стене – карта страны, испещренная красными точками. На столе раскатаны рулоны распечаток, высятся горы лабораторных журналов и папок.

Отец сидел сгорбившись, притулившись у края стола. Китель на спинке обвис под тяжестью наград. Перед отцом, между сжатыми кулаками лежал пистолет.

– Товарищ генерал... папа, что с тобой? – Наталья почти подбежала к нему, взяла запястье. Черный пистолет притягивал взгляд.

Пульс учащенный, в пределах нормы. Отцовской нормы.

– Нас закрыли, – сказал Николай Иванович. – «Заря» стартовала, а нас пустили под нож.

– Почему? – Наталью не особенно это интересовало, но надо как-то отвлечь его от черного пистолета.

Он снял одну руку со стола, похлопал по карману брюк, достал пачку, несколько секунд смотрел на багровое пятно, скривился, но вытряхнул сигарету, закурил. Пододвинул пачку ей.

– Почему? – переспросил он. – Не оправдали надежд партии и правительства. То, на что Иосиф Виссарионович дал свое добро, Лаврентий Павлович посчитал разбазариванием народных средств и недостойным традиций Спецкомитета. А может, кто-то где-то встал не с той ноги.

– Но Фил, то есть Филипп Рудольфович, почему их не убедил? Он ведь хорошо умеет убеждать! Прорыв в транспортных системах, путешествие к другим планетам!

– У него другие приоритеты, – сказал Николай Иванович. – Особенно в свете теперешних событий.

– Ты о чем?

– О том, что за него можно не переживать. Был один проект, теперь другой.

– А что будет с Марией?

Отец перевел взгляд на нее.

– С Кюри, – поправилась Наталья, – прости, с Кюри.

– Почему ты ее назвала Марией? – Отец тяжело смотрел из-под нависших бровей.

Если бы Наталье уже не было страшно, она б испугалась. Но привычный липкий страх покрывал всё тело, и даже вопрос отца не мог добавить к нему ни крохи, ни грамма. Возможно, если бы он отложил сигарету, взял пистолет, направил на нее, тогда да. Но вряд ли, вряд ли.

– Я всё знаю, – сказала Наталья. – Я знаю всё.

Отец закричал. Отвел глаза.

– Ни черта ты не знаешь, девочка.

– Она моя.

Он молчал, пускал дым на пистолет, стряхивал пепел в переполненное окурками блюдце. Потом заговорил. Словно опускал гири на чашу весов. Огромные, невыносимо тяжелые гири. Только так, как умел он один. Даже не гири. Пули. Из этого самого пистолета.

Ты отказалась от нее. Неважно – что она такое и как появилась на свет. Важен отказ. Сдача. Предательство. Ты выбросила ее на помойку, где она подыхала – без роду, без племени, калека, урод. За те годы, что она пыталась не умереть, ты не соизволила хоть что-то узнать о ее судьбе. Пробирка или палка – не важно. Важен факт предательства. И теперь она является сюда, чтобы заявить, что этот несчастный уродец – ее. И что? Расплакаться от умиления? Обратно пришить ей ручки-ножки и вставить глазки? Или у них в институте это уже научились

делать? Тогда учти, мозги ей тоже понадобятся. Нормальные мозги семилетней девочки, а не прожаренный мусор.

Наталье до дрожи хотелось отключиться, отыскать тот тумблер, один щелчок которого – и тишина. Или схватить пистолет и... Или он этого и хотел? Довести до истерики, а потом – несчастный случай. Война всё спишет. Стоило обдумать, но гири его слов давили на грудь. Невыносимая тяжесть, не дающая ни дышать, ни говорить. Разве что чуть-чуть. На три слова:

– Она... твоя... дочь...

Еле слышный шепот. На уровне дыхания.

Но пытка прекратилась. Начались смертные муки.

– Что?

– Недокументированная способность. Ты еще не понял, в чем она? Ребенку нужны родители. Даже такие, как мы – предатели и мучители. Но это не важно, важно – папа и мама. И она это сделала. Я не знаю как. Но она сделала так, чтобы родители оказались рядом. И никуда не могли уйти. Физически. На уровне боли... У меня не было материала. Это бред, но так. Мужиков, желающих поспособствовать *in vivo* полно, а *in vitro* – нет. Вопрос стоял так – или никогда. Поэтому пришлось выбирать сейчас. Преступление, я знаю. Но это всего лишь эксперимент. Зашедший чересчур далеко. Мы привязаны к ней. Ты – слабее, я – крепче. Мне до городка добраться – уже мучение. А главное – я не хочу. Это мерзко, но я ее люблю. Чудовищно, чудовищно...

– Я тебя убью.

Наталья встала.

– Нет, слишком просто. Ты мой отец и отец моего ребенка. Ты ничего не сделаешь. Ты будешь сидеть здесь и курить. И ждать. Но потом всё равно ничего не будешь делать.

Он затушил сигарету, взял пистолет, передернул затвор.

14

Наталья хотела попросить Брыся отвернуться, но передумала. Халат, блузка, лифчик ужасно мешали. Кюри невесомо покоилась на коленях и сгибе руки. Казалось, она спит, но рот открывался, как у голодного галчонка, из уголка губ стекала слюна. Тощее тельце подрагивало. Повязки ослабли, распутались и выглядели ужасно неряшливо.

– Помоги, – не выдержала Наталья, и Брысь залез на платформу. Горячие кончики пальцев обжигали кожу. – Халат, тяни за рукава. Сможешь расстегнуть сквозь блузку? Да, там на косточках, нужно надавить...

Зачем она так вырядилась? В дурацкий брючный костюм? Хорошо хоть пиджак на десяти застегках заранее сняла. Будто не верила, что сегодня всё случится.

Кюри заворочалась, захныкала. Наталья перехватила ее ладонью под голову, прижала к себе. Перебинтованная культия ткнулась в обнаженную грудь. Брысь с ужасом смотрел на происходящее. Она даже не сосала, а жевала. Маленькими острыми зубами. Больно. Потом всё же разжала челюсти. Острая боль сменилась на тянущую.

– У тебя же там ничего нет, – то ли сказал, то ли спросил Брысь.

– Не важно, – Наталья нащупала веревку, намотала на кулак. – Когда начинать?

– Ты уверена? – Брысь достал из кармана папиросу и сунул ее в рот, прикусил мундштук, но зажечь не озаботился.

– Мыло и мочало, начинай сказку с начала, – сказала Наталья.

– Меня уволят.

– Зато какая физика.

– Физика что надо. Переброска двух разумных тел на предельное расстояние в ходе эксперимента, собранного на коленке и в нарушение приказа начальства. Я в восторге.

Лампочка зажглась зеленым.

– Черт, что я делаю? – Брысь опять сунул в рот изжеванную папиросу.

– Помогаете всем нам стать лучше, – сказала Наталья и потянула веревку.

Прости меня, кажется, крикнул Брысь.

Ничего особенного. Никакого промежутка.

Была тьма, стал свет.

Было тепло, стало холодно.

Было тихо, стало шумно.

Был Брысь, нету Брыся.

Дорога. Холмы. Осень. Ветер. И даже машина далеко впереди, неуклюже съехавшая на обочину.

Кюри захныкала, но Наталья кое-как прикрылась, застегнулась. Хорошо, что позаботилась об одеяле – голый ребенок на таком ветру сразу простудится. Нужно быстрее дойти до машины, там одежда для нее и Кюри. Марии Кюри. Пусть будет так.

Странно, неужели Бравый их не заметил? Продолжает сидеть в машине и слушать по радио сводку военных действий? Мальчики любят войнушку. А нам, девочкам, обо всем приходится заботиться самим.

Почему-то она оказалась босиком. Туфли исчезли. Волшебные серебряные туфли исчезли, перенесла девочку Наталью и девочку Марию из мрачного замка людоеда. Самое трудное – первый шаг. Потом легче.

– Держись за меня, – сказала Наталья, и Кюри обхватила ее за шею. Слабо. Непривычно. Вряд ли ее носили вот так на руках. – Мы сейчас дойдем. Тут ерунда. Близко. Шаг за шагом, шаг за шагом.

Закрапал дождик. Для полноты удовольствия.

Пять шагов. Десять шагов. Сто шагов.

– Эй! – получилось плохо. Неубедительно. – Бравый!

Черт тебя побери, Бравый. Я вижу твою спину, а ты не изволишь почувствовать мой взгляд. Взгляд любимой женщины. Или врут писатели-поэты? Нет во взгляде чудодейственной силы? Чудодейственная сила есть – в Кюри, а всё прочее – выдумки. Черт с тобой, дойду. Только вот остановлюсь ненадолго, отдышусь и опять пойду.

– Держись, детка, держись, мама всё сделает, как надо. Мама у тебя – отвратительная мама, но уж это она сделать сможет.

Она еще много чего говорила, поглаживая прижавшуюся Кюри по спине, даже сквозь одеяло ощущая выступающие позвонки: и о том, что они улетят с этого острова, и о том, как будут жить все вместе в далеком чудесном месте под названием Ленинград, и о том, что у нее будет папа, ведь для маленьких девочек очень важно иметь папу, а папа – это не тот, кто... (здесь она слегка запнулась), в общем, это тот, кто о ней по-настоящему заботится, и о том, что они всё-всё забудут, забудут, как страшный фантастический сон, ведь в Советском Союзе не могут существовать такие Спецкомитеты, это неправильно, в Советском Союзе могут отправить на Марс экспедицию, а вот проводить эксперименты над маленькими девочками не могут, а значит, всё это сон, даже не сон, а кошмар, ибо только в кошмаре Бравый может лежать на руле, а из отверстия в виске стекать кровь ему на колени.

Замызганное ветровое стекло, дотлевающая сигарета, радио, сообщающее о чем-то, что уже не воспринималось головой. Вот цена обещаниям, которые она давала Кюри. Опять обман. Предательство. Нет сил ни кричать, ни плакать, ни идти. Только сползти спиной по теплому боку машины.

Покой. Девочка затихла, устроившись поудобнее. А в синей бездне без единого облачка летел самолет, не тот, который должен их увезти в придуманный Ленинград, а другой, враже-

ский – с белыми звездами. Вслед за ним пролетела еще пара других, с красными звездами, но так же беззвучно, и лишь потом вздрогнула земля.

А из леса выходили туристы. И это было еще нереальнее нереальной реальности, в которой ей маячила долгая счастливая жизнь.

Наталья сразу их узнала, ведь сон и бред экономны на выдумки. Кем еще могли оказаться туристы в этих местах, как не теми самыми – с ее самолета? Сколько с тех пор прошло? Недели? Месяцы? Годы? Какая разница – во сне не считается.

– Старая знакомая! – присвистнул впереди идущий. Тот, что пел тогда про горы, лучше которых могут быть только горы. – Давно не виделись.

Сейчас меня будут убивать, поэтому отвечать не обязательно.

– Что она здесь делает? Дятел...

– Замолчи! Лучше займитесь машиной.

Тот, кого называли Дятлом, присел перед ней на корточки и потянул за краешек одеяла.

– Это она?

Наталья крепче прижала к себе Кюри.

– Нам придется ее забрать, – сказал он.

Замотала головой. Будто это что-то значило.

– Мне очень жаль, что так получилось, – Дятел поднялся, достал пистолет. – Простите, правда.

Двигатель заработал. Двое протащили мертвое тело до обочины, раскатали и бросили в кусты.

– Долго будешь возиться?

Дятел скривился:

– Делайте свою работу.

Наверное, он выстрелил, потому что мир изменился.

Часть вторая. Книга японских необыкновений

1

У каждой красивой девочки должна быть некрасивая подружка.

Но если ты безобразна, то не значит, что твоя подружка – Белоснежка. Она может оказаться еще хуже. Не внешностью, тараканами в голове.

Мысль не новая, но свежая.

Под стать летнему утру, что за мутным окном «крейсера». Наш класс дебилов и идиотов наполняется, как подставленный под тонкую струйку кувшин. Или как баночка для анализов, которые вдруг приспичило собрать у тех, которым совсем не приспичило. Это, вообще-то, не я. Я – девочка приличная, хоть и сижу на подоконнике. Наблюдаю. Как Огнивенко размазывает по доске вчерашнее задание по физике. Непонятные закорючки отмываться не хотят. Словно поросята. Они и похожи на поросят – белые и непонятные. Что это назвали? Какая-то там «механика». Надо спросить у Хаеца. Хоть у нее после сна память начисто отшибает, но в книжечку она пишет регулярно. А вдруг ее Огнивенко на всю ночь дневальной поставила? Без сна и ужина? Тогда Хаец расскажет всё подробно, минута за минутой, секунда за секундой.

В дверь продолжают входить и врываться «семейные» и «приютские». Разницы никакой. Что бы не шептали. Если у кого-то засвербело такого идиота с распущенными слюнями и соплями в дом пристроить, то уж поверьте – у самих мозги тараканами кишат. Или чего похуже.

Вот, легка на поминках – Ешкина-ежевика, идет, глазки в пол, рукава чуть ли не до пальцев натянуты, новыми укусами красуется. Не факт, что родственнички постарались, но от такого запаха у кого хочешь аппетит разыграется. Мигом голодающая Африка вспоминается, режим апартеида. Так и хочется в столовку бежать. Или Ешкину куснуть – вдруг съедобная.

Вслед за Ежевикой – Настюха Шприц (ей в ухо). Трезвая. Значит, физкультурник с трудовиком еще после вчерашней дозы не отошли. Логика – царица природы, взять которую – наша обязанность.

Слезай, Надежда смотрит на меня и тыкает в стул. Скоро звонок.

И впрямь – чего расселась?

Огнивенко остервенело сражается с мелом, того гляди доска вспыхнет. Рядом с ней Демона Максвелла надо установить, чтоб охлаждал. Нет, не надо. Знаю этого Максвелла, сидели рядом, так Надежда каждый урок подгузники меняла. Прохожу мимо, удерживаясь не щипнуть дежурную, пристраиваюсь рядом с Надеждой. У нас, девочек, так – ходим парой. Не то что мальчики, которых в нашем классе дураков только Полонкин, да Зай Грабастов, если не считать Заику с баяном и Маршака Безграмотного. А их считать никто не хочет. Конченные. Скоро совсем с койки не встанут, под себя ходить начнут и через трубку кормиться. А мы к ним классом на экскурсию. Как к этому... Как его? А, неважно.

Подбредает Овечка и, медленно пережевывая слова, будто и не урок на носу, просит, протягивая тетрадь:

– Надь, помоги задачку решить, решить задачку помоги, задачку решить...

Ладно на три слова разжевалась – «Надь» не в счет, а то бы до вечера канючила, бином ходячий. Хочется отогнать ее подальше, но лучшая подружка всех обиженных, белоснежка с тараканами, тетрадь принимает и укоризненно косится на меня. Опять подслушала. Как желаете. Мое дело – потустороннее. Руку под щеку, вторую на приемник. Продираюсь сквозь шумы и помехи. Без органчика толку мало, особенно утром. Надежда строчит. Надо же. И я ей не нужна.

Что-то пробилося.

Токийская станция необыкновений: «Японцы считают особым деликатесом мясо гигантских кальмаров, которых они ловят с помощью специально прирученных и дрессированных кашалотов. Секрет одомашненных кашалотов они никому не открывают. Охота кашалотов на гигантских кальмаров – самое впечатляющее зрелище в Японии».

Слышно отвратительно. Приходится прижимать «Космос» плотнее. До хруста – то ли в ухе, то ли в корпусе. Хорошо, что Надежда не слышит – Овечку кормит. Надо же, кашалоты. Никогда не верила, что они существуют. Картинки видела, да мало ли кто чего нарисует. Та же Негода-Егоза такое изобразит, что директора вносит.

Кашалоты не отпускали. Надо попытаться их рассмотреть, взять бинокль и попытаться. Будем сидеть на Токийской башне, свесив ноги, вырывать друг у друга бинокль и сквозь марево разглядывать синие спины плывущих от залива кашалотов. И так этого захотелось, что чуть не выдернула Надежду с места – бежать к ларьку, где шоферы глушат пиво. Маршрут давно обдуман – залезаешь в кузов, незаметно. Хорошо, если там матрасы, а не навоз. Песок тоже подойдет. И ждешь. Отоваренный шофер, который и рубль в банку иногда не положит, крутит-вертит баранку по славному Дивногорску, по прямым улочкам, мимо заброшенных домов, пересекает заставу, где его, конечно же, никто не проверяет и не досматривает, а ведь были времена! И пылит по степи, чтобы аккуратно у полигона остановиться пописать, а мы тем временем с борта да в обочину. Грузовик отчаливает и...

Додумать, домечтать не дают: Вечный двигатель вваливается в класс, и где-то что-то начинает шипеть и плевать. Не иначе Маршак органчик принес. Свинтил с уютского телевизора и приволок. Надеется, что он ему поможет. На уроках подсказывать будет. Писк такой, аж в ушах закладывает. И тут не выберешь – то ли Вечный двигатель обратно отправлять, то ли органчик отключать.

– Вон отсюда! – орет Огнивенко непонятно на что, но грязная тряпка летит в Маршака. – В пепел! В пыль!

У нее волосы тлеть начинают, замершая на пороге Вечный двигатель отшатывается, но кто-то ее проталкивает вперед, и в кабинет входят они. Собственными персонами. Звенит звонок, все кидаются к партам, органчик перестает скрипеть. Все здесь. Вся дюжина.

Но нет такой дюжины, которую нельзя сделать чертовой.

Училка, Дедуня и некая личность неприятной наружности. Кто куда, а я пялюсь на личность. К нам. Как поспать дать, точно к нам. Это по коленям видно и белым носочкам.

– Садитесь, дети, – кивает Фиолетта.

Садимся. То есть все садятся, а я как сидела, так и сижу. Колени сравниваю. Мои и напротив. Мои – толстые, бледные, заусенцы какие-то. Напротив – даже ничего. Крыть нечем.

– К нам в класс пришел новый ученик. Ее зовут Иванна. Прошу любить и жаловать.

Дедуня ничего не говорит, оглядывает нас директорским взглядом, лишь слегка задержавшись на Надежде. Чуть-чуть. Но это чуть-чуть мне очень не нравится. И, кстати, какая такая Иванна?! У вас глаз нет? Осматриваюсь: у всех глаза на месте, даже у Зая Грабастова. Новенького рассматривают. Дедуня наклоняется к Фиолетте:

– Как договаривались, Виолетта Степановна.

– Хорошо-хорошо.

Иванна разглядывает кончики туфель. На класс не глядит.

Фиолетта подталкивает в спину:

– Садись на первую парту, к Ивановой.

А я, готовая завопить: «Постойте, постойте! Какая еще Иванна?! С каких это пор у них такие имена?! Может, их еще и в наш туалет пускать?!», затыкаюсь и отваливаюсь. Надежда сжимает мою руку. Понятно, без истерик. Выметаюсь, уступая место этой самой Иванне. Меня

тошнит от этого вида. Мне Огнивенко милее. Бедная Надежда. Она с чужими давно не сидела. Усыхает, как клоп. До полупрозрачности. Жуёт губками, смотрит на Дедуню, но тот велит всем вести себя хорошо и удаляется. Мог бы предупредить. Знал ведь. Хотя Надежде – это только лишняя бессонная ночь. Что да как. И я, всё ещё уткнувшись в коленки, представляю выражение ее лица. Мученическое. Движение рук. Нервическое. Как бы вообще слабины не дала. В очередной раз при всех. Вот ведь горе.

Поглядываю на нее искоса. Потом во все глаза. И жалею, что их у меня пара. Ничего такого, что я напредставляла, а очень даже наоборот. Щека розовеет. И кончик носа. Иванна на нее тоже поглядывает. Дружелюбно.

– Иванна, – шепчет и ладошку сует. Надежда ладошку жмет.

– Приступаем, дети, к уроку, – стучит Фиолетта указкой по столу.

– Ты семейная или приютская? – Огнивенко встречает с задней парты.

– Это как?

– Ну, в «крейсере» будешь жить или у тебя родня тут?

Ход мыслей Бастинды понятен – хлебом не корми, дай умучить несмышлениша. Она и на Надежду давно зуб точит, да только ей до нее, как нам до Токио. Иванна ответить не успевает.

– Кто дежурный в классе? – Фиолетта интересуется.

– Я! – хлопает крышкой парты Огнивенко. Могла бы и не вскакивать – сколько себя помню, она постоянно на входе в класс стоит и ногти проверяет. И подгузники.

– Кто сегодня отсутствует? – Фиолетта открывает журнал, заносит над списком ручку. Еще один глупый вопрос – будто сама не видит. Наверное, это такой ритуал, как в племени Мумба-Юмба, где вождь обязательно спрашивает у шамана – не прольется ли сегодня дождик, хотя на календаре – четверг.

Вопрос ставит шамана, точнее – ведьму, в тупик. Сказать, что все на месте – сказать неправильно, а сказать, что больше, – непонятно. Первый раз вижу Бастинду в виде открывающей рот рыбы, а оттуда – ни звука. Фиолетта что-то пишет в журнале, Огнивенко скрипит мозгами, класс ждет.

– Фиолетта Степановна, – ноет ведьма, – а как нужно правильно сказать? Ведь нас сегодня больше. Все на месте, и новенькая пришла...

Слово «новенькая» она произносит так, что у непривычного на лбу должен пот проступить. От страха. Не поздоровится этой самой Иванне, если ей после уроков в приют по коридорам топать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.